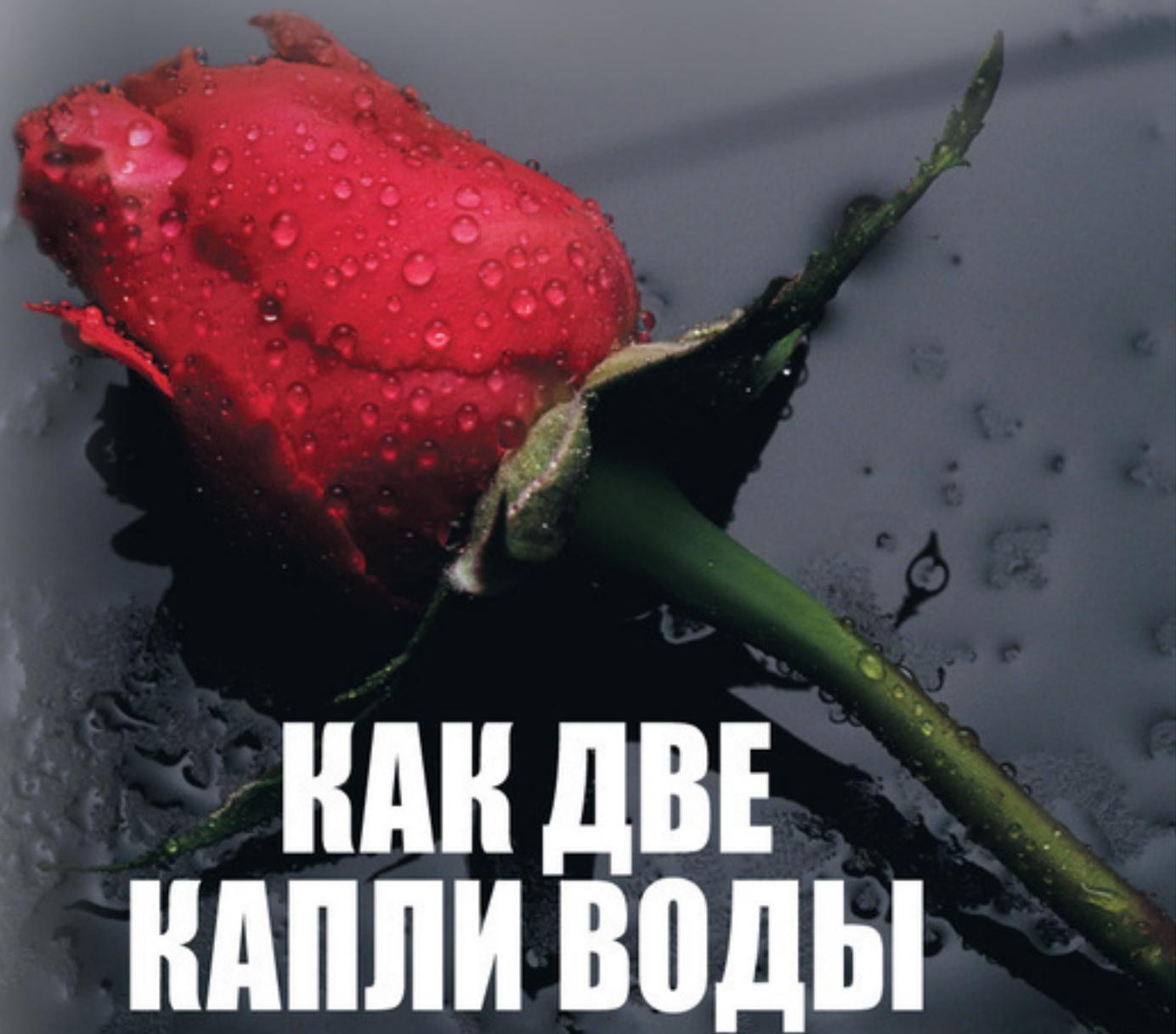

#1 NEW YORK TIMES – BESTSELLING AUTHOR

САНДРА БРАУН

**КАК ДВЕ
КАПЛИ ВОДЫ**

Сандра Браун
Как две капли воды

«ЭКСМО»

1990

Браун С.

Как две капли воды / С. Браун — «Эксмо», 1990

Никогда нельзя предугадать, что ждет тебя в будущем. Когда изуродованная до неузнаваемости тележурналистка Эйвери Дэниелз пришла в себя после авиакатастрофы, она и подумать не могла, что произошедшая с ней трагедия станет для нее первым шагом по дороге к счастью... В больнице ее по ошибке принимают за Кэрол Ратледж – жену влиятельного тexasского сенатора, а после пластической операции она и сама не отличила бы себя от женщины, похожей на нее как две капли воды. Но где же настоящая миссис Ратледж? И кто хочет убить самого сенатора? Чтобы разгадать эти тайны и спасти свою жизнь, Эйвери выдает себя за Кэрол и попадает в опасный вихрь страстей, бушующих в мире власти...

© Браун С., 1990

© Эксмо, 1990

Содержание

Пролог	6
1	9
2	15
3	21
4	25
5	29
6	35
7	41
8	46
9	50
10	55
11	60
12	64
13	69
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Сандра Браун

Как две капли воды

Sandra Brown

MIRROR IMAGE

By arrangement with Maria Carvainis Agency,

Inc. and Prava i Perevodi. Translated from the English

Mirror Image © 1990 by Sandra Brown Management, Ltd.

First published in the United States by Warner Books, New York.

© С. Володина, перевод на русский язык, 2011

© Е. Туева, перевод на русский язык, 2011

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2012

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Пролог

Самое обидное заключалось в том, что лучшего дня для полета и быть не могло. Январское небо было совершенно безоблачным и таким синим, что на него было больно смотреть. Видимость – превосходная. С севера дул холодный, но несильный ветер.

В это время дня загруженность аэропорта была от умеренной до сильной, но наземные службы работали четко, строго выдерживая график. Самолетам не приходилось кружить в ожидании посадки, а на полосе стояли в ожидании разрешения на взлет не больше двух лайнеров одновременно.

Пятница. Обычное утро в международном аэропорту Сан-Антонио. Единственное, с чем возникли некоторые проблемы у пассажиров рейса номер 398 компании «Эйр-Америка», так это дорога в сам аэропорт. На шоссе номер 410 велись дорожные работы, из-за чего образовалась пробка длиной в целую милю.

Тем не менее девяносто семь пассажиров успели на регистрацию и, распахав ручную кладь по полкам над креслами, теперь устраивались на своих местах, пристегивали ремни, а кое-кто уже листал книги, газеты и журналы. Экипаж занимался последними рутинными приготовлениями. Бортпроводницы обменивались шутками, загружая напитками тележки и заваривая кофе, выпить который никому не было суждено. После того как пассажиров пересчитали, разрешили дополнительную посадку из резервного списка. Убрали трап, и самолет начал выруливать к взлетной полосе.

В динамиках раздался дружелюбный голос командира корабля, сообщившего пассажирам, что их самолет взлетает следующим. Объяснив, что погодные условия в аэропорту назначения в Далласе превосходные, он отдал экипажу команду приготовиться к взлету.

Ни один человек на борту, включая командира, не подозревал, что самолет, выполняющий рейс 398, продержится в воздухе меньше тридцати секунд.

– Айриш!

– Угу?

– В аэропорту только что взорвался самолет.

Айриш Маккейб мгновенно встрепенулся:

– Что? Катастрофа?

– Пожар. Пламя до небес. В самом конце взлетной полосы.

Заведующий отделом информации Айриш Маккейб торопливо сунул данные последних зрительских опросов в стол. С удивительным для его возраста и комплекции проворством он обогнул стол и выскочил из своего застекленного кабинета, едва не сбив с ног корреспондента, который принес текст очередного информационного выпуска.

– На взлете или на посадке?

– Пока неизвестно.

– Кто-нибудь уцелел?

– Неизвестно.

– Рейсовый самолет или частный?

– Неизвестно.

– Черт побери, да была ли катастрофа? Что вам вообще известно?

Корреспонденты, фотографы, секретари и посыльные уже сгрудились с мрачными лицами вокруг радиоприемника, настроенного на полицейскую волну. Айриш потянулся к регулятору громкости.

«...взлетной полосы. Пока не видно ни одного уцелевшего пассажира или члена экипажа. Пожарные машины мчатся к месту аварии. Видны дым и пламя. Вертолеты подняты в воздух. Машины «Скорой помощи»...»

Айриш принялся громко отдавать приказания, перекрывая треск радиоприемников.

– Ты, – ткнул он пальцем в того, кто несколько секунд назад принес сенсационную новость, – бери выездную бригаду и туда. (Репортер с оператором устремились к выходу.) Кто позвонил первым? – Айришу надо было это знать.

– Мартинес. Он ехал на работу и застрял в пробке.

– Он на связи?

– Да, звонит из машины.

– Пусть подъедет к месту аварии так близко, как сумеет, и заснимет на видео как можно больше, пока не приедет бригада. И вертолет надо поднять. Кто-нибудь сядьте на телефон и выловите мне пилота! Надо встретить его. – Он обвел взглядом присутствующих, явно выискивая кого-то. – Айк еще здесь? – Ему понадобился ведущий утренней программы новостей.

– Пошел в туалет.

– Давай его сюда. Пусть идет в студию. Выйдем с экстренным сообщением. Мне нужно заявление от кого-нибудь с диспетчерской вышки, от руководства аэропорта, от авиакомпании, от полиции – что угодно, с чем мы можем выйти в эфир раньше, чем ребята из Управления безопасности на транспорте заткнут всем рот. Давай, Хэл, действуй. И кто-нибудь позвоните Эйвери домой. Скажите, чтобы...

– Не получится. Она сегодня улетает в Даллас, забыл?

– А, черт. Забыл. Нет, погодите, – сказал Айриш, прищелкнув пальцами, и лицо его озарилось надеждой. – Может, она еще в аэропорту. Тогда она будет на месте раньше всех. Если ей удастся пробиться к терминалу «Эйр-Америки», она сможет сделать репортаж с точки зрения простого пассажира. Если вдруг позвонит, зовите меня немедленно.

Он снова с нетерпением прильнул к радиоприемнику. В крови бушевал адреналин. Все это означает, что о выходных надо забыть, вместо них будет сумасшедшая работа, головная боль, холодная еда и безнадежно остывший кофе, но, несмотря на это, именно сейчас Айриш чувствовал себя в своей стихии. Ничто, как авиакатастрофа, не могло быть лучшим завершением информационной недели, а значит, и самым верным способом поднять рейтинг программы.

Тейт Ратледж затормозил перед самым домом. Он помахал рабочему фермы, который выгуливал на своем пикапе. С радостным лаем к хозяину кинулся колли-полукровок.

– Привет, Шеп!

Нагнувшись, Тейт потрепал пса по лохматой голове. Тот смотрел на него с откровенным обожанием.

С такой же благоговейной преданностью относились к Тейту Ратледжу десятки тысяч людей. Причин для восхищения хватало. Начиная с взъерошенной шевелюры и до кончиков потертых ботинок, он выглядел своим в доску для любого мужчины и предметом вожеления для любой женщины. Но на каждого горячего поклонника у него приходился такой же заклятый враг.

Велев собаке оставаться снаружи, он вошел в просторную прихожую, снял темные очки и двинулся в кухню, откуда доносился запах свежесваренного кофе. Желудок заурчал, напоминая, что Тейт не позавтракал, отправляясь рано утром в Сан-Антонио. Он представил себе поджаренный бифштекс, пышный омлет и хрустящие ломтики поджаренного хлеба. В животе заурчало еще громче.

Родители сидели на кухне за круглым дубовым столом, который стоял там, сколько Тейт себя помнил. Когда он вошел, мать обернулась. Лицо у нее было ошеломленное и бледное, как мел. Отец, Нельсон Ратледж, поднялся и, протянув вперед руки, шагнул ему навстречу.

– Тейт...

– В чем дело? – произнес он, недоумевая. – На вас посмотреть – подумаешь, будто кто-то умер.

Лицо Нельсона исказилось:

– Ты что, не слушал по дороге радио?

– Нет. У меня работал магнитофон. А что? – Его внезапно охватила паника. – Что случилось, черт возьми?

Он перевел взгляд на маленький телевизор в углу на полке. Именно туда смотрели мать с отцом, когда он вошел.

– Тейт, – сказал Нельсон, и голос его от волнения дрогнул. – Второй канал только что прервал выпуск «Колеса фортуны» экстренным сообщением. Несколько минут назад в аэропорту при взлете потерпел крушение самолет.

Тейт судорожно вобрал в себя воздух и так же резко выдохнул.

– Пока нет подтверждения, какой именно это был рейс, но полагают, что...

Нельсон замолчал, горестно качая головой. Зи потянулась к бумажной салфетке и прижала ее ко рту.

– Самолет Кэрл? – прохрипел Тейт.

Нельсон кивнул.

1

Она с трудом выбиралась из серого тумана. Она убеждала себя: за туманом обязательно будет просвет, пусть даже пока он еще не виден. На какой-то миг она засомневалась, стоит ли так рваться к этому просвету, но то, что осталось позади, было настолько ужасно, что поневоле толкало ее вперед.

Боль окружала ее со всех сторон. Она все чаще возвращалась из благословенного забытья в мучительное бодрствование, сопровождавшееся такой невыносимой и всепоглощающей болью, что она даже не могла понять, что именно болит. Болело все – внутри и снаружи. Боль заполняла ее целиком. Когда ей начинало казаться, что больше она не в силах этого выносить, она снова погружалась в теплое бесчувствие, и по жилам растекался волшебный эликсир. Она проваливалась в спасительное забытье.

Однако проблески сознания раз от раза становились все длиннее. Сквозь пелену до нее доносились глухие звуки. Из всех сил сосредоточившись, она смогла их понемногу различить: вот непрерывное посвистывание аппарата искусственной вентиляции легких, вот непрекращающийся писк электронной аппаратуры, а это – повизгивание резиновых подошв на кафельном полу, а вот телефонные звонки.

В очередной раз придя в сознание, она услышала обрывки разговора.

– Невероятное везение... При том что на нее вылилось столько горячего... Ожоги главным образом поверхностные.

– Сколько понадобится времени... реагировать?

– Терпение... Такого рода травмы сильнее отражаются... чем на теле...

– Как она будет выглядеть, когда... позади?

– Завтра... с хирургом. Он вам... всю процедуру.

– Когда?

– ...не будет опасности инфицирования.

– Это... отразится на плоде?

– Плоде? Но ваша жена не беременна.

Смысл слов не доходил до нее. Они обрушивались из черной пустоты подобно метеоритному дождю. Она хотела спрятаться от них, потому что они вторгались в блаженное небытие. Она хотела только одного – ничего не знать и ничего не чувствовать. Отключившись от этих голосов, она снова погрузилась в мягкое, обволакивающее безмолвие.

– Миссис Ратледж? Вы меня слышите?

Она машинально среагировала, издав из ноющей груди тяжелый стон. Попыталась поднять веки – безуспешно. Один глаз все же приоткрылся, и яркий луч света, казалось, ударил прямо в мозг. Наконец этот ненавистный свет убрали.

– Она приходит в себя. Немедленно дайте знать мужу, – произнес бесплотный голос.

Она попробовала повернуть голову в ту сторону, откуда он доносился, но и это не удалось.

– У вас есть телефон отеля?

– Да, доктор. Мистер Ратледж его оставил на случай, если она придет в себя, когда его здесь не будет.

Завитки серого тумана понемногу рассеивались. Слова, смысл которых прежде до нее не доходил, начинали рождать в мозгу логические ассоциации. Теперь она понимала слова, но по-прежнему не могла уразуметь, о чем идет речь.

– Я знаю, что вам очень больно, миссис Ратледж. Мы делаем все, что в наших силах, чтобы облегчить ваши страдания. Вам пока нельзя разговаривать. Просто расслабьтесь. Скоро здесь будут ваши родные.

В голове отдавались быстрые удары сердца. Она хотела дышать – и не могла. Вместо нее дышала машина. Воздух шел в легкие через трубку, вставленную в рот.

Она снова попыталась открыть глаза. Опять открылся лишь один, и то наполовину. Сквозь шелку она различала неясный свет. При попытке сфокусироваться она почувствовала боль, но зато смутные очертания начали принимать определенную форму.

Да, она в госпитале. Это уже ясно.

Но почему? Каким образом? Это было как-то связано с кошмаром, который остался позади, в том тумане. Ей не хотелось ничего вспоминать, поэтому она предпочла сосредоточиться на настоящем.

Она лежала без движения. Как она ни старалась, руки и ноги не слушались. Голова тоже. У нее было такое чувство, будто ее уложили в одеревеневший кокон. Эта неподвижность пугала. Неужели это навсегда?!

Сердце забило сильнее. Немедленно рядом возникла фигура.

– Миссис Ратледж, не стоит волноваться. Все будет в порядке.

– Пульс участился, – раздался еще чей-то голос по другую сторону кровати.

– Наверное, она просто испугалась, – произнес первый голос. – Она дезориентирована – не понимает, что с ней происходит.

Над ней склонился кто-то в белом:

– Все будет в полном порядке. Мы уже позвонили мистеру Ратледжу, он сейчас приедет. Вы ведь будете рады его видеть? Он так счастлив, что вы наконец пришли в себя.

– Бедняжка... Можешь себе представить – вот так проснуться, чтобы на тебя столько сразу обрушилось.

– Я тебе больше скажу – не могу себе представить, как можно пережить авиакатастрофу. Беззвучный крик молнией пронзил мозг.

Она вспомнила!

Скрежет металла. Крики и стоны. Дым, густой и черный. Огонь – и леденящий ужас.

Она действовала автоматически, в соответствии с инструкциями, сотни раз слышанными от стюардесс на разных рейсах, которыми ей доводилось летать.

Вырвавшись из охваченного пламенем фюзеляжа, она стала ощупью пробираться в залитом кровью и дымом пространстве. Ей было очень больно, но она продолжала бежать, сжимая...

Сжимая – что? Она помнила только, что это было нечто очень ценное, что-то такое, что она обязана была спасти.

Она помнила, как упала и, уже лежа, бросила последний взгляд на мир. По крайней мере, так она успела подумать. Она даже не почувствовала боли от столкновения с землей. После этого она погрузилась в забытие, которое до сего момента оберегало ее от ужасных воспоминаний.

– Доктор!

– Что такое?

– Сердцебиение снова резко участилось.

– Хорошо, надо ее немного успокоить. Миссис Ратледж, – сказал врач повелительным тоном, – успокойтесь. Все в порядке. Вам не о чем волноваться.

– Доктор Мартин, приехал мистер Ратледж.

– Попросите его подождать, пока она не успокоится.

– В чем дело?

Издалека донесся новый, властный голос:

– Мистер Ратледж, я попрошу вас дать нам несколько...

– Кэрол?

Внезапно она почувствовала его присутствие. Он был совсем близко, склонился к ней. В его голосе звучало мягкое увещание.

– Все будет в порядке, ты поправишься. Я понимаю, ты напугана и встревожена, но все будет хорошо. И с Мэнди, слава богу, тоже все в порядке. У нее несколько переломов и поверхностные ожоги рук. Мама с ней, в палате. Она скоро поправится. Ты слышишь меня, Кэрол? Вы с Мэнди выжили, а это самое главное.

Сразу за его головой был яркий свет неоновой лампы, поэтому черты лица она разглядеть не могла, только угадывала, как он выглядит. Она с жадностью впитывала каждое слово утешения. И поскольку он произносил их с убежденностью, она ему верила.

Она потянулась к его руке – вернее, попыталась. Должно быть, он это уловил, потому что сам легонько положил ей руку на плечо.

От этого прикосновения тревожное чувство пошло на спад, а может быть, это начало действовать успокоительное, которое ввели внутривенно. Она расслабилась, неведомым образом чувствуя себя в безопасности рядом с этим незнакомым мужчиной.

– Засыпает. Вы можете идти, мистер Ратледж.

– Я останусь.

Она закрыла глаза, стирая расплывчатый образ. Наркотик действовал чарующе. Ее нежно покачивало, как в маленькой лодочке, убаюкивая и погружая в надежную гавань безразличия.

«Кто такая Мэнди?» – подумала она, проваливаясь в сон.

Она знакома с этим человеком, который называет ее Кэрол?

Почему все обращаются к ней как к миссис Ратледж?

Они думают, что она его жена?

Как они ошибаются.

Она с ним даже незнакомка.

Когда она снова очнулась, он был рядом. Она не знала, прошло ли несколько минут, или часов, или дней. Время здесь, в палате интенсивной терапии, никак не ощущалось, отчего она еще больше теряла чувство реальности.

В тот момент, когда она разлепила веки, он наклонился над ней и сказал:

– Привет.

Не видеть его четко было для нее мучительно. Открывался только один глаз. Она уже догадалась, что вся голова у нее забинтована и именно поэтому не поворачивается. Доктор уже предупредил, что и говорить она не может. Нижняя часть лица, казалось, окаменела.

– Ты понимаешь меня, Кэрол? Ты понимаешь, где ты находишься? Если да – моргни.

Она моргнула.

Он сделал какое-то движение рукой. Ей показалось, он взъерошил волосы, но она не была уверена.

– Вот и хорошо, – сказал он со вздохом. – Говорят, тебе нельзя волноваться, но я тебя знаю и думаю, ты хочешь иметь исчерпывающую информацию. Я прав?

Она моргнула.

– Ты помнишь, как вы садились в самолет? Это было позавчера. Вы с Мэнди собрались на несколько дней в Даллас за покупками. Ты помнишь крушение?

Она отчаянно пыталась дать ему понять, что она не Кэрол и не знает, кто такая Мэнди, но смогла лишь моргнуть в ответ на вопрос о катастрофе.

– В живых осталось только четырнадцать человек.

Она не поняла, что из глаза у нее потекли слезы, пока он не достал салфетку, чтобы вытереть их. Его руки, такие сильные на вид, оказались и очень нежными.

– Каким-то чудом – одному богу известно, как, – ты сумела выбраться с Мэнди из горящего самолета. Ты что-нибудь помнишь?

На этот раз она не моргнула.

– Ну, да ладно, это неважно. Как бы то ни было, ты спасла ей жизнь. Она, конечно, очень напугана. Боюсь, у нее больше пострадала психика, чем тело, и с ней будет нелегко. Сломанную руку ей зафиксировали. У нее нет сильных повреждений. Ей даже не придется делать пересадку кожи. Ты, – он пристально посмотрел на нее, – ты закрыла ее своим телом.

Она не слишком хорошо поняла его взгляд, но похоже было, что он сомневается, что все происходило именно так. Он продолжал:

– Служба безопасности ведет расследование. Они уже нашли черный ящик. Все как будто шло нормально, но потом один из двигателей просто взорвался. От взрыва воспламенились топливные баки. Самолет превратился в огненный шар. Но прежде чем фюзеляж был полностью охвачен пламенем, ты сумела выскочить через запасной выход на крыло с Мэнди в руках. Один из уцелевших пассажиров сказал, что видел, как ты расстегивала ее ремень. Он говорит, вы втроем сквозь дым пробрались к двери. Он говорит, у тебя все лицо было в крови, наверное, тебя сильно ударило.

Ничего из этого она не помнила. Она помнила только охвативший ее ужас при мысли о том, что ее ждет смерть от удушья в дыму, если прежде она не сгорит. Он хвалит ее за мужественные действия во время крушения. А она просто следовала инстинкту выживания.

Возможно, со временем подробности трагедии прояснятся. А может быть, и нет. Она не была уверена, что ей хочется вспоминать этот кошмар. Снова пережить ужасные минуты после катастрофы будет все равно что еще раз пройти через ад.

Если уцелели только четырнадцать человек, следовательно, число погибших измеряется десятками. Тот факт, что она оказалась в живых, привел ее в некоторое недоумение. Судьба предназначила ей выжить, и она никогда не узнает почему.

У нее перед взором все поплыло, и она догадалась, что снова плачет. Он молча промокнул ей глаз салфеткой.

– Тебе сделали анализ на содержание газов в крови и решили применить аппарат искусственной вентиляции легких. У тебя сотрясение мозга, но серьезных повреждений головы нет. И ты сломала большую берцовую кость правой ноги, когда прыгала с крыла на землю. Руки у тебя забинтованы из-за ожогов. И все же, слава богу, все повреждения чисто поверхностные, если не считать отравления дымом. Я знаю, тебя тревожит лицо, – смущенно продолжал он. – Не стану тебя обманывать, Кэрл. Я понимаю, что ты хочешь знать всю правду. – Она моргнула. Он помолчал, неуверенно глядя на нее. – Лицо пострадало очень сильно. Я нанял лучшего специалиста по пластической хирургии в штате. Он специализируется на реконструктивных операциях после аварий и травм вроде твоих.

Теперь она моргала изо всех сил, но не в знак согласия, а от волнения. В ней взыграло женское тщеславие, хотя она и лежала в реанимации, счастливая от сознания того, что осталась жива. Она хотела знать, насколько сильно пострадало лицо. Сами слова «реконструктивная хирургия» звучали зловеще.

– У тебя сломан нос. И одна скула. Вторая скула раздроблена. Поэтому и глаз завязан. Его ничто не поддерживает. (Охваченная ужасом, она издала тихий стон.) Нет, не волнуйся, глаз цел. Это счастье. Верхняя челюсть сломана. Но хирург, о котором я тебе сказал, сумеет это поправить. Волосы у тебя отрастут. Тебе имплантируют зубы, которые будут в точности как твои.

Так. Значит, у нее нет ни зубов, ни волос.

– Мы принесли ему твои фотографии – самые последние, под разными ракурсами. Он сумеет в точности воссоздать твое лицо. Ожоги на лице затронули только верхние слои кожи, поэтому пересадок делать не надо. Доктор говорит, обгоревшая кожа сойдет, ты будешь выглядеть на десять лет моложе. Ты должна этому радоваться.

Незначительные нюансы в его речи ускользали от ее сознания, и она старалась сосредоточиться лишь на ключевых словах. Она ясно и отчетливо уяснила одно: там, под повязкой, она выглядит чудовищно.

Ее охватила паника. Наверное, он это почувствовал, потому что снова положил ей руку на плечо.

– Кэрол, я не для того рассказал тебе все, чтобы тебя огорчить. Я понимаю, что ты сильно встревожена. Но я посчитал, что лучше быть откровенным, чтобы ты могла морально подготовиться к тому тяжкому испытанию, которое тебе предстоит. Тебе будет нелегко, но мы все будем тебя поддерживать. – Он помолчал и заговорил тише: – На это время я забуду о наших личных отношениях и приложу все усилия, чтобы ты поправилась. Я останусь с тобой до тех пор, пока ты не будешь полностью удовлетворена работой хирурга. Обещаю тебе. Я у тебя в долгу за то, что ты спасла Мэнди.

Она попыталась помотать головой в знак протеста, но ей это не удалось. Она не могла шевельнуться. Когда же она попробовала что-нибудь произнести, то боль пронзила пищевод, пострадавший от химического ожога.

Ее тревога все нарастала, пока не пришла сестра и не попросила его уйти. Стоило ему убрать руку с ее плеча, как она вновь почувствовала себя брошенной и одинокой.

Сестра снова ввела ей успокоительное. Лекарство побежало по венам, но она не хотела засыпать. Однако наркотик оказался сильнее, и ей пришлось уступить.

– Кэрол, ты меня слышишь?

Пробуждаясь, она жалобно застонала. От лекарств она чувствовала себя легкой и бесплотной, как будто единственным живым местом во всем ее организме оставался мозг, а все тело давно умерло.

– Кэрол? – Голос шипел совсем рядом с ее забинтованной головой.

Это был другой мужчина, не Ратледж. Его голос она бы узнала. Она не помнила, как он ушел, и не могла понять, кто с ней сейчас разговаривает. Ей захотелось отгородиться от этого голоса. Он звучал совсем не так, как голос мистера Ратледжа. В нем не было утешения.

– Ты еще плоха и можешь умереть. Но если ты почувствуешь, что дело идет к концу, и думать не смей ни о каких предсмертных признаниях, даже если ты будешь в состоянии их делать.

Ей показалось, что это сон. В испуге она открыла глаз. Комната, как всегда, была залита ярким светом. Ее дыхательный аппарат по-прежнему ритмично посвистывал. Тот, кто с ней говорил, был ей не виден. Она ощущала присутствие человека, но видеть его не могла.

– Мы с тобой все еще в одной связке. И ты слишком далеко в это влезла, чтобы все бросить, лучше и не пытайся.

Она заморгала, тщетно пытаясь избавиться от наваждения. По-прежнему человек находился где-то рядом, но не имел никаких очертаний – только бесплотный, зловещий голос.

– Тейту не суждено стать сенатором. Авиакатастрофа пришлась некстати, но, если ты не будешь паниковать, мы сможем обернуть дело даже на пользу себе. Слышишь меня? Если ты выкарабкаешься, мы начнем с того, на чем остановились. Сенатора Тейта Ратледжа не будет. Он умрет раньше.

Она зажмурила глаз в попытке побороть нарастающий страх.

– Я знаю, что ты меня слышишь, Кэрол. Не притворяйся.

Через несколько мгновений она опять открыла глаз и попробовала отвести его как можно дальше вбок. Она по-прежнему ничего и никого не видела, но почувствовала, что загадочный посетитель удалился.

Прошло еще несколько минут, отмеряемых ритмом аппарата искусственного дыхания. Она балансировала между сном и бодрствованием, героически сопротивляясь действию

лекарств, борясь с паникой и пытаясь вернуть себе ощущение времени и реальности, которое полностью потеряла в ярко освещенной и стерильной обстановке палаты интенсивной терапии.

Вскоре появилась сестра, проверила капельницу и измерила давление. Ее движения были обычными. Нет сомнения, что, если бы в комнате находился кто-то еще, это отразилось бы на поведении сестры. Удовлетворившись состоянием пациентки, она вышла.

К тому времени, как ее сморил сон, она успела убедить себя, что ей все это просто почудилось.

2

Тейт Ратледж стоял у окна гостиничного номера, глядя вниз на машины, нескончаемым потоком несущиеся по автостраде. На мокрой мостовой отражались габаритные огни, оставляя за собой размытые красно-желтые полосы.

Услышав за спиной звук открываемой двери, он повернулся на сто восемьдесят градусов и кивком поприветствовал брата.

– Я несколько минут назад звонил тебе в номер, – сказал он. – Где ты был?

– Выпил пива в баре. Футбольный матч показывают.

– А, совсем забыл. Кто выигрывает?

Иронической ухмылкой брат дал понять, что вопрос неуместен.

– Отец еще не вернулся?

Тейт помотал головой, отпустил занавеску и отошел от окна.

– Я умираю с голоду, – сказал Джек. – Ты не хочешь есть?

– Пожалуй. Я как-то не задумывался. – Опустившись в кресло, Тейт потер глаза.

– Ни Кэрол, ни Мэнди не будет от тебя никакой пользы, если ты не станешь беречь себя,

Тейт. Вид у тебя ужасный.

– Благодарю.

– Я серьезно.

– Я понял, – сказал Тейт, опуская руки и криво улыбаясь. – Ты, как всегда, прямолинеен и бестактен. Вот почему в политики пошел я, а не ты.

– Не забудь: «политик» – ругательное слово. Эдди не велел тебе его употреблять.

– Даже среди родных и друзей?

– Может войти в привычку. Лучше исключить его из лексикона вовсе.

– Господи, никакого спасу от вас нет.

– Я только стараюсь тебе помочь.

Тейт опустил голову, смущаясь своей несдержанности.

– Прости. – Он покрутил в руках телевизионный пульт, без звука пробегая по всем каналам. – Я сказал Кэрол, что у нее с лицом.

– Правда?

Усевшись на край кровати, Джек Ратледж наклонился вперед, облокотившись на колени. В отличие от брата он был одет в костюмные брюки, белую рубашку и галстук. Правда, сейчас, вечером, он выглядел уже не так опрятно. Накрахмаленная сорочка помялась, рукава были завернуты до локтей. Брюки на коленях сморщились, так как большую часть дня он провел в сидячем положении.

– И как она отреагировала?

– Откуда мне знать? – пробормотал Тейт. – Ничего ведь не видно, кроме правого глаза. Из него текли слезы, так что могу сказать лишь, что она расплакалась. Зная ее тщеславие, могу себе представить, в какую она впала истерику под всеми этими повязками. Если бы она могла двигаться, она бы, наверное, носилась с воплями по коридорам госпиталя. Да и любой бы на ее месте, правда?

Опустив голову, Джек разглядывал руки, будто представляя себе их обожженными и забинтованными.

– Ты думаешь, она помнит катастрофу?

– Она дала знак, что помнит, хотя я не уверен, что во всех деталях. Я опустил самые ужасные подробности и только рассказал, что они с Мэнди оказались в числе четырнадцати оставшихся в живых.

– Сегодня в новостях сказали, что они все еще пытаются собрать обгоревшие останки, чтобы их можно было опознать.

Тейт читал об этом в газетах. Если верить журналистам, это был ад крошечный. Голливудские фильмы ужасов – ничто по сравнению с жестокой реальностью, представшей перед следствием.

Стоило Тейту подумать о том, что Кэрол и Мэнди могли оказаться в числе погибших, как у него внутри все переворачивалось. От этих мыслей его начинала одолевать бессонница. У каждого из погибших была позади своя жизнь, и все они по каким-то своим причинам оказались именно в этом самолете. Поэтому каждый некролог вызывал мучительную душевную боль.

Тейт мысленно добавил имена Кэрол и Мэнди к списку погибших: «Среди жертв авиакатастрофы рейса 398 были жена и трехлетняя дочь кандидата в сенаторы Тейта Ратледжа».

Но судьба, к счастью, распорядилась по-иному. Они не погибли. Благодаря удивительному мужеству Кэрол они вышли из этого ада живыми.

– Льет как из ведра, – тишину нарушил голос Нельсона. Он вошел, держа одной рукой большую коробку с пищей, а другой стряхивая капли воды с мокрого зонта.

– Мы совсем оголодали, – сказал Джек.

– Я спешил как мог.

– Пахнет потрясающе, отец. Выпьешь чего-нибудь? – спросил Тейт, направляясь к небольшому встроенному холодильнику, который мать заполнила для него в первый же день. – Пива или чего-нибудь полегче?

– С пищей? Пива.

– А ты, Джек?

– Пива.

– Как дела в госпитале?

– Он сказал Кэрол, что у нее с лицом, – сказал Джек, не дав Тейту ответить.

– Да? – Нельсон поднес ко рту дымящийся кусок пиццы и надкусил. С полным ртом он пробормотал: – Ты уверен, что в этом была необходимость?

– Нет, не уверен. Но если бы я был на ее месте, я бы хотел знать всю правду, а ты?

– Пожалуй. – Нельсон отхлебнул пива. – Как себя чувствовала мама, когда ты уходил?

– Она вымоталась. Я уговаривал ее переночевать сегодня здесь, а я бы побыл с Мэнди, но она сказала, что они уже вошли в привычный ритм и ей не хочется ничего менять, дабы не навредить Мэнди.

– Да, это она только так говорит, – ответил Нельсон. – Скорее всего, просто взглянула на тебя и решила, что тебе хороший сон нужен больше, чем ей. Ты-то действительно вымотался до предела.

– Вот и я говорю, – поддакнул Джек.

– Что ж, может быть, пицца вернет меня к жизни. – Тейт сделал попытку пошутить.

– Отнесись к нашему совету посерьезнее, Тейт, – сурово отозвался Нельсон. – Ты не можешь подрывать еще и свое здоровье.

– И не собираюсь. – Подняв приветственным жестом банку, он отпил, а затем серьезно добавил: – Теперь, когда Кэрол пришла в себя и знает, что ее ждет, я смогу спать спокойнее.

– Это будет трудное время. Для всех нас, – заметил Джек.

– Я рад, что ты об этом заговорил, Джек. – Тейт вытер губы салфеткой и мысленно собрался с духом. Он намеревался бросить пробный шар. – Может быть, мне лучше подождать до следующих выборов?

На несколько секунд за столом возникла пауза, после чего Нельсон и Джек заговорили разом, стремясь перекричать друг друга.

– Ты не можешь принимать такого решения, пока не узнаешь, как прошла ее операция.

– А как же все затраченные усилия?

– Слишком многие люди на тебя рассчитывают.

– И не думай сейчас отступаться, братишка. Ты должен баллотироваться нынче...

Тейт поднял руку, призывая их к тишине:

– Вы сами знаете, как я этого хочу. Господи, да я всегда хотел только одного – стать сенатором. Но я не могу жертвовать благополучием собственной семьи даже ради политической карьеры.

– Кэрол не заслужила таких жертв.

Тейт бросил на брата острый, как бритва, взгляд.

– Но она – моя жена, – объявил он.

Снова последовало напряженное молчание. Прокашлявшись, его нарушил Нельсон:

– Конечно, в том испытании, какое ей предстоит, ты должен будешь находиться рядом с ней как можно больше. Хорошо, что ты сначала думаешь о ней, а потом уже – о своей политической карьере. Я от тебя другого и не ожидал. – Чтобы придать своим словам большую выразительность, Нельсон подался вперед, наклонившись над остатками пиццы, разложенной на круглом столике. – Но не забудь, что Кэрол сама хотела, чтобы ты баллотировался. Я уверен, она будет очень огорчена, если ты из-за нее снимешь свою кандидатуру. Очень огорчена, – повторил он, тыча указательным пальцем в воздух. – Если же взглянуть на вещи более хладнокровно и жестко, – продолжал он, – то это несчастье может сыграть нам даже на руку. Так сказать, бесплатная реклама.

Тейт в негодовании отшвырнул смятую салфетку и встал из-за стола. Несколько минут он бесцельно шагал взад-вперед по комнате.

– Ты что, сговорился с Эдди? Когда я ему сегодня звонил, он сказал практически то же самое.

– Что ж, ведь он руководит твоей кампанией. – При мысли о том, что брат может спастись, едва кампания набрала силу, Джек побледнел. – Ему за то платят, чтобы он давал тебе дельные советы.

– Ты хочешь сказать – чтобы он тянул из меня жилы.

– Эдди хочет, чтобы Тейт Ратледж стал сенатором Соединенных Штатов, – как и все мы, – и жалованье тут совсем ни при чем. – Улыбаясь во весь рот, Нельсон поднялся и похлопал Тейта по спине. – Ты обязательно будешь баллотироваться в ноябре. Кэрол первая бы так сказала.

– Ну хорошо, – ответил Тейт ровным голосом. – Мне надо было только знать, что я могу на вас рассчитывать. В ближайшие несколько месяцев на меня будет взвалено столько, что одному этот воз не потянуть.

– Можешь на нас положиться, – твердо заявил Нельсон.

– Смогу я рассчитывать на ваше терпение и понимание, когда окажется, что у меня не получается разорваться на два фронта? – Тейт окинул их испытующим взглядом. – Я буду, конечно, стараться не заниматься одним делом в ущерб другому, но раздваиваться я не умею.

– Когда надо, мы заменим тебя, Тейт, – заверил Нельсон.

– Что еще сказал Эдди? – поинтересовался Джек, чувствуя облегчение оттого, что критический момент миновал.

– У него там тьма добровольных помощников, которые заняты сейчас тем, что распихивают по конвертам и рассылают опросные листы.

– А как насчет публичных выступлений? Он что-нибудь еще запланировал?

– На очереди пробная речь перед старшекласниками какой-то школы в долине. Я велел ему отказаться.

– Почему? – спросил Джек.

– Школьники не голосуют, – резонно ответил Тейт.

– Но у них есть родители. А этих мексиканцев в долине нам надо заполучить на свою сторону во что бы то ни стало.

– Они и так на нашей стороне.

– Не будь так самоуверен.

– Я не самоуверен, – сказал Тейт, – просто это тот самый случай, когда мне надо четко расставить приоритеты. Я должен буду уделять массу времени Кэрол и Мэнди. Мне придется более избирательно подходить к тому, куда и когда ехать. Каждая встреча должна приносить конкретный результат, а я не уверен, что от слушателей в школе будет много пользы.

– Ты, вероятно, прав, – дипломатично заметил Нельсон.

Тейт понимал, что отец просто старается ему угодить, но он устал и был встревожен, хотелось лечь в постель и попытаться уснуть. Как можно более тактично он намекнул на это отцу и брату.

Когда он провожал их до двери, Джек неловко повернулся и обнял брата.

– Прости, что я к тебе сегодня приставал. Я понимаю, что у тебя творится на душе.

– Если бы ты этого не делал, я бы в одночасье растолстел и обленился. Пожалуйста, и впредь не давай мне покоя. – Тейт одарил его обаятельной улыбкой, которой предстояло вскоре украсить предвыборные плакаты.

– Если у вас тут все в порядке, я завтра поеду домой, – сказал Джек. – Кто-то должен и за домом присмотреть, а заодно проверить, как там мои домочадцы.

– А как, кстати, у них дела? – спросил Нельсон.

– О'кей.

– Последний раз, когда я их видел, не больно-то все было хорошо. Твоя доченька Фрэнсин несколько дней не появлялась дома, а жена... ну, ты знаешь, в каком она обычно состоянии. – Он погрозил старшему сыну пальцем. – Плохо дело, когда мужчина теряет контроль над семьей. – Он перевел взгляд на Тейта. – Тебя это тоже касается, кстати говоря. Вы оба позволяете своим благоверным творить что им заблагорассудится. – Снова обращаясь к Джеку, он добавил: – Тебе надо помочь Дороти-Рей, пока не поздно.

– Может быть, после выборов этим займусь, – пробормотал тот. Глядя на брата, он добавил: – Если понадобится, не забудь, что я всего лишь в часе езды.

– Спасибо, Джек. Я позвоню, когда смогу.

– Врач не сказал тебе, когда они намерены оперировать?

– Не раньше чем отпадет опасность инфицирования, – объяснил Тейт. – У нее легкие пострадали от дыма, так что ждать, возможно, придется пару недель. Для него это серьезная дилемма, так как, если слишком долго тянуть, лицевые кости могут начать срастаться как есть.

– О господи, – сказал Джек. Потом добавил нарочито бодрым голосом: – Что ж, передай ей от меня привет. И от Дороти-Рей и Фэнси тоже.

– Хорошо.

Джек направился по коридору к своему номеру. Нельсон чуть задержался.

– Я говорил сегодня утром с Зи. Пока Мэнди спала, она наведалась в реанимацию. Зи говорит, на Кэрол смотреть страшно.

У Тейта слегка поникли плечи.

– Да, так и есть. Молю господи, чтобы этот хирург смог выполнить, что обещает. – Нельсон молча взял Тейта за руку. Тейт положил другую руку сверху. – Сегодня доктор Соьер – хирург, о котором я говорю, – конструировал ее лицо на компьютере. Он изобразил Кэрол на экране на основе тех фотографий, что мы ему дали. Получилось просто удивительно.

– И он рассчитывает, что во время операции сумеет воссоздать этот электронный образ?

– По крайней мере, так он говорит. Он сказал, что какие-то едва заметные различия возможны, но в основном они будут в ее пользу. – Тейт суховато рассмеялся. – Ей это понравится.

– Да, пожалуй, она еще будет считать, что ей повезло, как ни одной другой женщине, – заметил Нельсон со своим обычным оптимизмом.

А Тейт все думал и думал о единственном темном глазе, распухшем и налитом кровью, глядящем на него с неподдельным ужасом. Наверное, она боится умереть. Или что ей придется жить без того неотразимого лица, которое всегда умела использовать с выгодой для себя.

Попрощавшись, Нельсон удалился к себе в номер. Тейт выключил телевизор и свет, разделся, лег в постель и погрузился в воспоминания.

Сквозь шторы комнату озаряли вспышки молнии. Совсем рядом грохотал гром, от которого дребезжали стекла. Тейт смотрел на тени, бросаемые молнией на стены комнаты. Глаза его были холодны и суровы.

Они даже не поцеловались на прощание.

Из-за недавней бурной ссоры в то утро отношения между ними были напряжены. Кэрол не терпелось поскорее оказаться в Далласе и заняться покупками. В аэропорт они приехали рано, так что у них еще было время выпить по чашке кофе в ресторане.

Мэнди случайно пролила на себя апельсиновый сок. Кэрол, естественно, отреагировала слишком бурно. Выходя из кафе, она все отчитывала Мэнди за испачканный передник.

– Господи, Кэрол, да пятна даже не видно, – вступился он за ребенка.

– Я его отлично вижу.

– Тогда не смотри на него.

Она смерила мужа тем убийственным взглядом, который давно перестал на него действовать. Он на руках нес Мэнди к выходу на посадку, рассказывая, какие замечательные вещи ее ожидают в Далласе. У самых ворот он присел на корточки и обнял девочку.

– Желаю тебе интересно провести время, солнышко. Привезешь мне подарок?

– Мапочка, можно?

– Конечно, – ответила Кэрол рассеянно.

– Конечно, – заявила ему Мэнди, расплываясь в улыбке.

– Буду ждать с нетерпением. – Он еще раз притянул ее к себе на прощание.

Выпрямляясь, он спросил у Кэрол, не хочет ли она, чтобы он дождался, пока самолет взлетит.

– Зачем? – ответила Кэрол.

Он не стал спорить, только удостоверился, что все вещи при них.

– Ну, тогда до вторника.

– Смотри, не опоздай нас встретить! – прокричала Кэрол, подталкивая Мэнди к выходу на посадку, где стюардесса проверяла посадочные талоны. – Терпеть не могу болтаться в аэропорту.

Перед тем как пройти в двери, Мэнди еще раз обернулась и помахала ему рукой. Кэрол даже не посмотрела в его сторону. Она самоуверенно и целеустремленно шла вперед.

Может быть, из-за этого теперь в ее единственном глазу столько тревоги. Судьба покусилась на самое главное, на чем основывалась ее неколебимая самоуверенность, – на внешность. Кэрол не выносила уродства. Наверное, она плакала не о тех, кто безвинно погиб в катастрофе, как он поначалу подумал. Скорее всего, она оплакивала себя самое. Может, она даже жалеет, что не погибла, а осталась жить искалеченной – пусть даже на время.

Зная Кэрол, он бы этому не удивился.

В табели о рангах следственного управления округа Бексар Грейсон занимал нижнюю строчку. Вот почему он многократно проверял и перепроверял всякую информацию, прежде чем предстать со своими открытиями перед начальником.

– У вас сейчас есть минутка?

Измученный и ворчливый человек в резиновом переднике бросил на него уничтожающий взгляд через плечо.

– А что ты затеял – партию в гольф?

– Нет, вот это.

– Что? – И он опять повернулся к обгорелой куче, которая когда-то была человеческим телом.

– Рентгеновские снимки зубов Эйвери Дэниелз, – ответил Грейсон. – Труп номер восемьдесят семь.

– Уже произведено опознание и вскрытие. – Эксперт сверился с таблицей на стене. Имя Эйвери Дэниелз было вычеркнуто красным карандашом. – Угу.

– Я знаю, но...

– Родственников у нее нет. Ее опознал сегодня днем близкий друг их семьи.

– Но судя по этим снимкам...

– Послушай, парень, – резко оборвал его тот, – у меня здесь туловища без голов, кисти без рук, стопы без ног. И я должен разобраться с ними сегодня. Так что если кого-то определенно опознали и произвели вскрытие, то дело закрыто, и не приставай ко мне со своими снимками. Договорились?

Грейсон засунул снимки в конверт, в котором они были присланы, и отправил его в мусорную корзину.

– О'кей. И чтоб вы все провалились.

– С удовольствием. Но только после того, как будут опознаны все останки.

Грейсон пожал плечами. Ему платят не за то, чтобы он изображал из себя Дика Трейси¹. Если это загадочное несоответствие никого не волнует, то почему он должен лезть из кожи вон? Он вернулся на свое место и продолжил опознание трупов по рентгеновским снимкам зубов.

¹ Ричард (Дик) Трейси – известный тележурналист Би-би-си.

3

Казалось, сама природа надела траур.

В день похорон Эйвери Дэниелз шел дождь. Предыдущей ночью по горам Техаса прокатились грозы. Наутро воспоминанием о них был лишь мелкий и холодный серый дождь.

Айриш Маккейб стоял у гроба с непокрытой головой, не замечая ненастной погоды. Он настоял, чтобы гроб был усыпан желтыми розами, которые, он знал, она так любила. Яркие и живые, они, казалось, смеялись над смертью. Это его как-то утешало.

По его покрасневшим щекам катились слезы. Мясистый, весь в прожилках сосудов нос был краснее обычного, хотя в последние дни он почти не пил. Эйвери всегда ругала его за пьянство, уверяя, что чрезмерное потребление алкоголя разрушает печень, повышает кровяное давление и ведет к быстрому старению.

Она поругивала и Вэна Лавджоя – за наркотики, но это не помешало ему заявиться на похороны, изрядно набравшись дешевого виски и накурившись по дороге марихуаны. Вышедший из моды галстук у него на шее свидетельствовал о том, что он придает этому мероприятию исключительное значение и ценит Эйвери несколько выше, чем всех остальных представителей рода человеческого.

Все остальное человечество, впрочем, отвечало Вэну Лавджою полной взаимностью. Эйвери относилась к числу считанных единиц, которые могли его как-то терпеть. Когда корреспондент, которому было поручено сделать сюжет о трагической гибели Эйвери, предложил Вэну поехать с ним на съемку, оператор смерил его презрительным взглядом и сделал непристойный жест, после чего, не говоря ни слова, вышвырнул из комнаты. Такая грубая форма самовыражения была для Вэна Лавджоя типична и служила одной из причин его прохладных взаимоотношений с окружающими людьми.

По окончании непродолжительной панихиды участники похорон двинулись к воротам кладбища, где находилась автостоянка, а Айриш и Вэн вдвоем задержались у могилы. Служащие кладбища наблюдали на почтительном расстоянии, ожидая, когда можно будет удалиться в контору, чтобы наконец согреться и обсушиться.

В свои сорок Вэн был тощ как щепка. У него был впалый живот и торчащие ключицы. Редкие волосы свисали почти до плеч, обрамляя узкое, худое лицо. Это был стареющий хиппи, так навсегда и застрявший где-то в шестидесятых.

Айриш, напротив, был невысок и коренаст. В то время как Вэна, казалось, мог подхватить и унести порыв ветра, Айриш крепко стоял на ногах, и ничто не могло бы его поколебать. Хотя внешне они были столь разительно непохожи, сегодня их лица несли печать одинаковой скорби. Однако горе Айриша было явно сильнее.

В редком для себя порыве сострадания Вэн положил костлявую руку ему на плечо.

– Пойдем куда-нибудь, вмажем.

Тот с отсутствующим видом кивнул. Он сделал шаг вперед и оторвал головку одной из желтых роз, после чего развернулся, вслед за Вэном вышел из-под временного навеса и зашагал по дорожке кладбища. По лицу и плащу его хлестал дождь, но он не прибавил шагу.

– Я... гм... приехал в лимузине, – сказал он, будто только сейчас вспомнив.

– Хочешь и обратно в нем поехать?

Айриш посмотрел на битую-перебитую развалюху Вэна.

– Поеду с тобой. – Движением руки он отпустил шофера и взгромоздился на сиденье рядом с Вэном.

Внутри машина имела еще более жалкий вид. Рваная обивка была кое-как прикрыта потрепанным махровым полотенцем, а темно-бордовый палас, которым были обиты стены, насквозь провонял марихуаной.

Вэн сел за руль и завел мотор. Пока тот неохотно грелся, он раскурил сигарету и протянул Айришу.

– Нет, благодарю. – После некоторого раздумья Айриш все же взял сигарету и глубоко затянулся. Эйвери заставила его бросить курить, и он уже многие месяцы не прикасался к сигаретам. Сейчас его рот и глотку обожгло табачным дымом. – Господи, как хорошо, – вздохнул он и снова затянулся.

– Куда? – спросил Вэн, раскуривая сигарету и для себя.

– В любое место, где нас не знают. Сегодня я намерен напиться до бесчувствия.

– Меня всюду знают. – Вэн скромно умолчал, что напиться до бесчувствия для него обычное дело, но в тех заведениях, где он бывает, этим никого не удивишь. Он включил передачу, машина, судя по всему, не очень-то хотела слушаться.

Однако уже через несколько минут Вэн открыл перед Айришем обшарпанную дверь заведения, расположенного в убогом квартале города.

– Что, здесь пристанем? – спросил Айриш.

– На входе они проверяют, нет ли у тебя оружия.

– Ага, и если нет, то тебе его немедленно выдают, – вяло подхватил Айриш избитую шутку.

Обстановка в баре была мрачноватой. Кабинка, куда они проскользнули, находилась на отшибе и была тускло освещена. Ранние посетители имели столь же потрепанный вид, как и мишура, подвешенная к потолочным светильникам, по-видимому, по случаю Рождества несколько лет назад. Там прочно обосновались пауки. С черного бархата обворожительно улыбалась обнаженная сеньорита, намалеванная каким-то местным дарованием. Разительным контрастом с гнетущей обстановкой была разухабистая мексиканская музыка, громыхающая в динамиках.

Вэн заказал бутылку виски.

– Я бы, пожалуй, чего-нибудь съел сначала, – сказал Айриш неуверенно.

Когда бармен бесцеремонно плюхнул перед ними бутылку и два стакана, Вэн заказал для Айриша еды.

– Не надо было, – запротестовал тот.

Оператор пожал плечами и наполнил стаканы.

– Его старуха готовит, если попросишь.

– И часто ты здесь питаешься?

– Иногда, – ответил Вэн, снова пожав плечами.

Принесли еду, но Айриш, ткнув несколько раз вилкой, решил, что он вовсе не голоден. Он отодвинул щербатую тарелку и протянул руку к своему виски. Первый глоток обжег желудок пламенем. На глаза навернулись слезы. У него перехватило дыхание.

Впрочем, с быстротой опытного пьяницы он пришел в себя и сделал еще один глоток. Но слезы так и остались стоять в его глазах.

– Мне так будет ее не хватать.

Он бесцельно водил стаканом по засаленному столу.

– Да, и мне тоже. Она, конечно, иногда была занудой, но не такой, как многие другие.

Бравурная песенка, звучавшая в автомате, кончилась. Больше никто ничего не завел, и это было некоторым облегчением для Айриша. Музыка не вязалась с его тяжелой печалью.

– Знаешь, она ведь была мне как родная дочь, – сказал он. Вэн прикурил очередную сигарету от предыдущей. – Я помню тот день, когда она родилась. Я был тогда в клинике, переживал вместе с ее отцом. Ждал. Вышагивал по коридору. А теперь я буду помнить и день ее смерти. – Заглотив залпом остатки виски, он вновь наполнил стакан. – Знаешь, мне сначала даже в голову не пришло, что разбился именно ее самолет. Я думал только о сюжете, о мате-

риале, который она ехала делать, черт бы его побрал. Это было такое плевое дело – я даже оператора с ней не послал. Я думал, она возьмет, если надо, кого-нибудь с корпункта в Далласе.

– Эй, парень, перестань себя винить. Ты просто делал свою работу. Откуда ты мог знать? Айриш невидящими глазами уставился на янтарное содержимое стакана.

– Тебе приходилось когда-нибудь опознавать тело, Вэн? – Ответ ему был не нужен. – Они лежали в ряд, как... – Он судорожно вздохнул. – Черт, даже не знаю. Никогда не был на войне, но, наверное, это похоже. Она была в застегнутом на молнию пластиковом мешке. У нее не осталось ни волосика на голове, – продолжал он надломленным голосом. – Все выгорело. А кожа... О, господи. – Он прикрыл глаза толстыми пальцами. По ним потекли слезы. – Это из-за меня она оказалась в этом самолете.

– Ну-ну, парень. – Этим у Вэна исчерпывался запас сочувственных слов. Он подлил Айришу виски, раскурил еще одну сигарету и молча протянул ее другу. Сам он перешел на марихуану.

Айриш затянулся.

– Слава богу, ее мать не дожила до этого дня. Если бы не медальон, который она зажала в руке, опознать тело вообще было бы невозможно. – При воспоминании о том, во что превратил пожар тело Эйвери, внутри у него все перевернулось. – Вот уж никогда не думал, что придется такое говорить, но я действительно рад, что Розмари Дэниелз нет в живых. Мать не должна видеть своего ребенка в таком состоянии.

Несколько минут Айриш молча потягивал виски, а потом снова поднял на друга глаза, полные слез.

– Я ведь любил Розмари. Мать Эйвери. Черт, я ничего не мог с этим поделать. Отец Эйвери, Клифф, почти все время был в разъездах, в самых богом забытых местах. Уезжая, он всякий раз просил меня присмотреть за ними. Я был готов убить его за это, хоть он и был моим лучшим другом. – Он отхлебнул. – Не сомневаюсь, что Розмари догадывалась, но мы никогда не говорили с ней об этом. Она любила Клиффа. И я это знал.

С семнадцати лет Айриш заменил Эйвери отца. Клифф Дэниелз, известный фоторепортер, погиб в бою за маленькую деревушку с непроизносимым названием где-то в Центральной Африке. Розмари покончила с собой спустя всего несколько недель после смерти мужа, оставив Эйвери одну, с единственным человеком, на которого она могла твердо рассчитывать, поскольку он был старинным другом семьи, – Айришем Маккейбом.

– Я был для Эйвери отцом не меньше, чем Клифф. А может, даже и больше. Когда она осталась сиротой, она прибежала ко мне. И именно ко мне она прибежала в прошлом году, когда случился этот прокол в Вашингтоне.

– Да, тогда она, может, и сплеховала, но все же репортер из нее был хоть куда, – отозвался Вэн сквозь едкий сладковатый дым.

– В том-то вся и драма, что она умерла, так и не сняв грех с души. – Он сделал еще глоток. – Понимаешь, Эйвери больше всего боялась неудач. Малейший промах становился для нее трагедией. Когда она была девчонкой, она мало видела Клиффа и потом все время как бы старалась заслужить его одобрение, быть достойной его памяти. Мы никогда об этом не говорили, – продолжал он угрюмо, – но я это знаю. Вот почему тот прокол она переживала очень тяжело. Она все стремилась исправить ошибку, вернуть себе доверие, а значит, и чувство собственного достоинства. Жизнь не дала ей на это времени. Черт возьми, ведь она ушла с ощущением провала.

Горе старика тронуло потаенную струну в сердце Вэна. Он решил хоть как-то утешить Айриша.

– Насчет того – ну, твоих отношений с ее матерью... Она ведь о них знала.

Айриш повернул к нему красные, заплаканные глаза.

– А ты откуда знаешь?

– Однажды она мне сказала, – ответил Вэн. – Я просто спросил, как давно вы с ней знакомы. Она сказала, что, сколько себя помнит, ты всегда был рядом с ее семьей. И высказала предположение, что втайне ты любил ее мать.

– И как она на это реагировала? – с волнением спросил Айриш. – То есть, я хочу сказать, ее это не раздражало?

Вэн мотнул головой.

Айриш достал из нагрудного кармана поникшую розу и потрогал нежные лепестки.

– Вот и хорошо. Я рад. Я любил их обеих. – Тяжелые плечи его задрожали. Он крепко зажал цветок в кулак. – О господи, – простонал он, – мне так будет ее не хватать.

Уронив голову на стол, он горько разрыдался, а Вэн продолжал сидеть напротив, на свой лад переживая обрушившееся на них горе.

4

Эйвери пришла в себя. Теперь она точно знала, кто она.

Собственно, она этого и не забывала. На нее только нашло временное помутнение из-за лекарств в сочетании с контузией.

Вчера – по крайней мере, ей казалось, что все это было вчера, поскольку все недавно приходившие желали ей доброго утра, – она была немного сбита с толку, что, впрочем, вполне объяснимо. Очнуться после нескольких дней коматозного состояния и обнаружить, что ты не можешь ни двигаться, ни говорить, ни видеть за весьма ограниченными пределами, – такое хоть кого приведет в замешательство. Она редко болела, и обычно ничем серьезным, поэтому нынешнее состояние было для нее настоящим шоком.

Палата интенсивной терапии, с ее постоянно включенным светом и вечной суетой, уже сама по себе может внести сумятицу в мысли. Но что действительно озадачило Эйвери, так это то, что все, как один, называли ее чужим именем. Как могло случиться, что ее приняли за женщину по имени Кэрол Ратледж? Даже мистер Ратледж как будто не сомневался в том, что разговаривает со своей женой.

Ей надо каким-то образом объяснить, что произошла ошибка. Но она не знала, как это сделать, и это ее пугало.

У нее в сумочке лежали водительские права, журналистское удостоверение и другие документы на ее имя. «Но они, вероятно, были уничтожены огнем», – подумала она.

При воспоминании о взрыве ее по-прежнему охватывал панический ужас, поэтому она сознательно старалась не думать о происшедшем, по крайней мере отложить это до тех пор, пока она не окрепнет, а недоразумение не прояснится.

Где Айриш? Почему он не пришел ей на помощь?

Ответ на этот вопрос поразил ее своей очевидностью. Все тело ее как будто пронзило током. Это казалось невероятным и нелепым, но все было совершенно ясно. Если ее приняли за миссис Ратледж и миссис Ратледж считалась оставшейся в живых, следовательно, она, Эйвери Дэниелз, числится среди погибших.

Она представила себе, какую муку должен испытывать сейчас Айриш. Ее гибель будет для него тяжелым ударом. Но пока что она не в силах облегчить его страданий. Нет! Пока она жива, она не должна сдаваться! Надо думать. Надо сосредоточиться.

– Доброе утро.

Она сразу узнала этот голос. Наверное, опухоль в глазу стала понемногу спадать, потому что она видела его более ясно. Черты его лица теперь предстали ей совершенно отчетливо.

Густые, красиво очерченные брови почти смыкаются на переносице. Нос прямой, крупный. Волевая челюсть и упрямый, раздвоенный подбородок, но в нем не чувствуется агрессивности. Рот твердый, широкий, губы тонкие, причем нижняя чуть полнее верхней.

Он улыбался, но глаза оставались серьезными, отметила она про себя. Улыбка казалась какой-то заученной. Она шла не от души. «Почему?» – подумала Эйвери.

– Мне сказали, ты спала спокойно. Никаких признаков инфекции в легких нет. Это здорово.

Она знала это лицо и этот голос. Знала раньше, до вчерашнего дня. Но пока она не могла припомнить, откуда этот мужчина ей знаком.

– Мама ненадолго оставила Мэнди, чтобы повидать тебя. – Обернувшись, он сделал кому-то знак подойти ближе. – Мама, встань здесь, а то она тебя не увидит.

В поле зрения Эйвери возникла очень привлекательная женщина средних лет. У нее были мягкие темные волосы с красивой серебристой прядью над гладким лбом.

– Здравствуй, Кэрол. Мы все очень рады, что у тебя дела идут на поправку. Тейт говорит, доктора тобой довольны.

Тейт Ратледж! Ну конечно.

– Расскажи ей о Мэнди, мама.

Незнакомая женщина стала рассказывать ей о незнакомом ребенке:

– Сегодня Мэнди хорошо позавтракала. Вчера ей дали успокоительное, и она очень хорошо поспала. Ей доставляет неудобство гипс на руке, но я думаю, это в порядке вещей. Она любимица всего детского отделения, все сестры ходят вокруг нее на задних лапках. – На глаза у нее навернулись слезы, и она смахнула их салфеткой. – Как подумалась, что...

Тейт Ратледж обнял мать за плечи.

– Но ведь этого не случилось. Слава богу.

Эйвери поняла, что она, наверное, вынесла из самолета Мэнди Ратледж. Теперь она вспомнила, как девочка дико закричала, а она стала расстегивать ей ремень, и это почему-то никак не удавалось. Справившись наконец с пряжкой, она схватила перепуганную малышку и вместе с каким-то мужчиной стала пробираться сквозь едкий густой дым к аварийному выходу, прижимая ребенка к себе.

Поскольку ребенок оказался с ней, они и решили, что она – Кэрол Ратледж. Но это еще не все: они и местами в самолете успели поменяться.

В ее мозгу наконец с трудом сошлись все части головоломки, о которой знала она одна. Она припомнила, что на посадочном талоне у нее было обозначено место у окна, но, войдя в самолет, она обнаружила, что кресло занято. Там сидела какая-то женщина, а рядом с ней – ребенок. Эйвери не стала ничего говорить и молча села на свободное место у прохода.

У женщины были темные волосы до плеч – совсем как у нее. И глаза у нее тоже были карие. Они вообще были похожи. Даже стюардесса, хлопотавшая вокруг девочки, спросила, кто из них мать, а кто – тетя ребенка, приняв их за двух сестер.

Теперь ее лицо изуродовано до неузнаваемости. Ее ошибочно опознали по наличию ребенка и ее месту в салоне. О том, что они сидели не на своих местах, никто, конечно, знать не мог. А миссис Ратледж, наверное, вся обгорела. Господи, она просто обязана им все объяснить!

– Тебе, пожалуй, лучше идти, ма, а то Мэнди начнет волноваться, – говорил в это время Тейт. – Передай ей, что я тоже скоро приду.

– До свидания, Кэрол, – сказала женщина. – Я уверена, что после того, как доктор Соьер поработает над твоим лицом, ты будешь опять красивой, как прежде.

«У нее глаза тоже не улыбаются», – подумала Эйвери, наблюдая, как женщина направляется к двери.

– Да, пока не забыл, – сказал Тейт, снова подходя вплотную к кровати, – тебе привет от Эдди, отца и Джека. Отец, кажется, собирается сегодня встретиться и поговорить с этим хирургом, так что он к тебе заглянет. Джек сегодня поехал домой, – продолжал он, не догадываясь, что разговаривает не с женой, а с совершенно чужой женщиной. – Думаю, он беспокоится по поводу Дороти-Рей. Да и Фэнси – одному богу известно, что она может выкинуть, оставшись без присмотра, хотя Эдди пристроил ее добровольной помощницей в штаб предвыборной кампании. Их к тебе не пустят, пока ты в реанимации, но я думаю, ты не очень-то без них скучаешь?

Он думает, что она знает, о ком и о чем идет речь. Как ей показать ему, что она ничего не понимает? Она незнакома с этими людьми. Ее не волнует, чем они занимаются. Ей надо связаться с Айришем. И она должна дать понять этому человеку, что он теперь вдовец.

– Да, слушай, Кэрол, относительно кампании. – По движению плеч она догадалась, что он сунул руки в карманы. На мгновение он нагнул голову, почти коснувшись подбородком груди, а потом опять поднял на нее глаза. – Я, как и планировалось, намерен баллотироваться. И отец, и Джек, и Эдди считают, что я должен это сделать. Они гарантируют мне всяческую поддержку.

Это с самого начала обещало быть нелегким делом, но не настолько, чтобы я спасовал. Теперь, конечно, все еще более усложнится. Но я для себя этот вопрос решил.

В последнее время имя Тейта Ратледжа частенько мелькало в прессе. Вот почему ей были знакомы эти лицо и голос, хотя лично они никогда не встречались. Он рассчитывал выиграть на предварительных выборах в мае, а потом, в ноябре, выставить свою кандидатуру в Сенат на место нынешнего представителя штата.

– Я не собираюсь увиливать от своих обязанностей по отношению к тебе и Мэнди, пока вы не поправитесь, но ты должна понять, что путь в Конгресс – это для меня дело всей жизни. Я не намерен ждать еще шесть лет до следующих выборов, иначе я рискую потерять набранный темп. Я просто обязан сделать это сейчас. – Взглянув на часы, он продолжал: – Мне надо идти к Мэнди. Я обещал покормить ее мороженым. У нее руки забинтованы, – добавил он, бросив взгляд на перевязанные и загипсованные руки Эйвери, – ну, ты сама понимаешь. Сегодня у нее первая встреча с психотерапевтом. Беспокоиться не о чем, – поспешил он добавить. – Это скорее мера предосторожности. Я не хочу, чтобы у нее в душе осталась незаживающая рана. – Он сделал паузу, многозначительно глядя на Эйвери. – Вот почему я думаю, что ей пока не стоит с тобой видеться. Я знаю, что мои слова могут прозвучать жестоко, но я боюсь, как бы эти твои бинты не напугали ее до полусмерти, Кэрол. Когда с твоим лицом поработает хирург и оно начнет принимать обычный вид, я буду приводить ее ненадолго. Кроме того, я думаю, ты и сама не рвешься сейчас ее видеть.

Эйвери попыталась заговорить, но во рту у нее торчала дыхательная трубка. Она слышала, как одна сестра сказала другой, что у нее химический ожог связок. Да и челюстью двинуть она не могла. Она отчаянно заморгала, стараясь донести до него свое волнение.

Неправильно истолковав ее, он опустил руку ей на плечо.

– Уверяю тебя, это только дело времени, Кэрол, – принялся он ее утешать. – Доктор Соьер убежден, что все далеко не так страшно, как нам кажется. Сегодня он зайдет к тебе и расскажет о предстоящей операции. Он уже знает, как ты выглядела раньше, и гарантирует, что сделает тебе лицо в точности как прежде.

Она попыталась отрицательно мотнуть головой. Из глаза полились слезы страха и отчаяния. Вошла сестра и попросила его посторониться.

– Пожалуй, вам лучше сейчас уйти, мистер Ратледж, и дать ей отдохнуть. К тому же ей пора делать перевязку.

– Я буду в палате у дочери.

– Мы позовем, если вы понадобится, – любезно ответила сестра. – Ах да, пока я не забыла, звонили снизу напомнить, что драгоценности миссис Ратледж находятся в сейфе здесь, в госпитале. Когда ее привезли, с нее все сняли.

– Благодарю вас. Я их потом заберу.

«Не потом, а сейчас же! Забери их сейчас!» – мысленно что было сил молила Эйвери. Драгоценности в сейфе принадлежат не Кэрол Ратледж, а ей. Как только это обнаружится, станет ясно, что произошла чудовищная ошибка. Мистер Ратледж поймет, что его жена погибла. Для него это будет ударом, но лучше ему узнать правду сейчас, чем потом. Она, конечно, посочувствует несчастью Ратледжа, но зато как обрадуется Айриш! Милый Айриш. Его горю придет конец.

А что, если мистер Ратледж не заберет украшения из сейфа до пластической операции и хирург успеет сделать ей лицо Кэрол Ратледж?

Это была ее последняя мысль, перед тем как обезболивающее подействовало и она впала в блаженное забытие.

«Тейт никогда не станет сенатором».

Она снова переживала этот кошмар. Она отчаянно пыталась отогнать от себя злоевищий голос. Как и в тот раз, она никого не видела, но чувствовала где-то совсем рядом присутствие некоего зла. Даже дыхание его она как будто ощущала. Это было похоже на легкую вуаль, накинутую в кромешной тьме, – ты ее не видишь, но чувствуешь – как призрак.

«Тейт Ратледж не станет сенатором. Он умрет раньше. Сенатор Тейт Ратледж умрет. Тейт никогда... Умрет...»

Эйвери закричала и проснулась. Крик, конечно, был беззвучный, но он отдавался у нее в мозгу. Открыв глаз, она узнала яркие лампы под потолком, запах лекарств – неизменный спутник клиники – и свист дыхательного аппарата. Она спала, значит, на этот раз это был действительно ночной кошмар.

Но вчера вечером это был не сон. Вчера вечером она даже имени мистера Ратледжа еще не знала! Значит, ей не могло это присниться, и она отчетливо помнит этот угрожающий голос, голос без лица, шепчущий ей гадости в самое ухо.

Что это – игра воображения? Или Тейту Ратледжу и вправду грозит опасность? Ясно, что она паникует раньше времени. В конце концов, ей столько кололи наркотиков, что она совсем потеряла ориентацию во времени и пространстве. Может быть, она неверно выстраивает последовательность событий? И кому вообще нужно его убивать?

Боже мой, эти вопросы любого озадачат. И ей надо получить на них ответ. Но аналитические способности, кажется, ей изменили – как и многие другие способности. Она не могла больше рассуждать логически.

Если заняться расследованием готовящегося покушения на жизнь Тейта Ратледжа, может всплыть масса ниточек, но пока она совершенно бессильна. Она слишком одурманена лекарствами, чтобы сформулировать четкое объяснение или выработать какое-нибудь решение. Она соображала с трудом. Мозг отказывался действовать, пускай даже речь шла о жизни человека.

Эйвери была возмущена этой навязанной ей проблемой, как будто мало на нее обрушилось и без того, чтобы еще беспокоиться о безопасности какого-то кандидата в сенаторы.

Двигаться она не могла, но внутри ее все кипело от негодования. Нахлынувшие эмоции ее изматывали. И с этой новой проблемой отказывалось совладать ее сознание, на периферии которого все еще была пустота. Она пыталась бороться, но в конце концов уступила и снова впала в спасительное беспамятство.

5

– Меня ее реакция нисколько не удивляет. С жертвами несчастных случаев это часто бывает. – Доктор Сойер, светило пластической хирургии, невозмутимо улыбнулся. – Попробуйте себе представить, что чувствовали бы вы, если бы ваше красивое лицо оказалось изуродованным.

– Благодарю за комплимент, – ответил Тейт холодно.

В тот момент ему хотелось съездить самодовольному хирургу по холеной физиономии. Пусть у него безупречная репутация, зато в жилах, похоже, течет не кровь, а ледяная вода.

В его активе были пластические операции, сделанные несколькими знаменитостям штата, включая молодых актрис, у которых было денег не меньше, чем тщеславия, городских начальников, которые хотели обмануть природу и остановить естественный процесс старения, манекенщиц и телезвезд. Хотя в его квалификации сомневаться не приходилось, Тейту крайне не понравилась самоуверенность, с которой он отмел все опасения Кэрол.

– Я просто попробовал поставить себя на место Кэрол, – сказал он. – Мне кажется, что, учитывая все обстоятельства, она держится молодцом – даже лучше, чем я мог от нее ожидать.

– Ты сам себе противоречишь, Тейт, – заметил Нельсон. Он сидел рядом с Зи на диванчике в комнате для посетителей реанимационного отделения. – Ты только что сказал доктору Сойеру, что она расстроилась, когда услышала о предстоящей операции.

– Я понимаю, что это звучит нелогично. Я только хотел сказать, что она очень мужественно восприняла информацию о Мэнди и о самой катастрофе. Но стоило мне заговорить с ней о том, что ей будут делать пластическую операцию, как она расплакалась. Господи, – сказал он, проводя рукой по волосам, – вы себе представить не можете, какой у нее жалкий вид, когда она начинает плакать этим единственным глазом. Это как кадр из «Сумеречной зоны»².

– Ваша жена, мистер Ратледж, была красивой женщиной, – сказал врач. – Ее пугает, что у нее изуродовано лицо. Естественно, она страшится того, что на всю жизнь останется изувеченной. И я считаю своим долгом убедить ее, что ее лицо может быть восстановлено, а в чем-то даже усовершенствовано. – Сойер сделал паузу, чтобы обвести всех взглядом. – Я чувствую, что вы сами сомневаетесь в моих возможностях. Это совершенно недопустимо. Я жду от вас поддержки и неколебимой уверенности в успехе операции.

– Если бы я сомневался, вас бы сейчас здесь не было, – резко возразил Тейт. – У меня нет сомнения в вашей квалификации, вот только сострадания вам недостает.

– Я предпочитаю поберечь свое сострадание для больных. У меня нет времени и сил вешать лапшу на уши их близким, мистер Ратледж. Это удел политиков. Вроде вас.

Они смерили друг друга взглядами. Наконец Тейт улыбнулся, затем суховато рассмеялся:

– Я тоже никому не вешаю лапшу на уши, доктор Сойер. Вы нам нужны, и поэтому вы здесь. И вы – самый самодовольный сукин сын из всех, кого я знаю. Но, по всеобщему мнению, вы – лучший. Поэтому я намерен с вами сотрудничать, чтобы вернуть Кэрол нормальный облик.

– Вот и отлично, – ответил хирург, нисколько не затронутый оскорблением, – тогда пойдемте побеседуем с больной.

Войдя в палату, Тейт поспешил вперед, к постели Эйвери.

– Кэрол? Ты не спишь? – Она ответила, открыв глаз. Насколько он мог видеть, взгляд у нее был совершенно ясный. – Привет. Мама и отец тоже здесь. – Он посторонился, давая им подойти.

² «Сумеречная зона» – фильм ужасов американских кинорежиссеров Стивена Спилберга и Джона Лэндиса (1983).

– Здравствуй, Кэрол, еще раз, – сказала Зи. – Мэнди просила тебе передать, что очень тебя любит.

Тейт забыл предупредить мать, чтобы она не говорила Кэрол о первой беседе Мэнди с детским психотерапевтом. Не все прошло гладко, но, слава богу, у Зи хватило такта промолчать об этом. Она подвинулась, пропуская Нельсона на свое место.

– Привет, Кэрол. Ты нас всех здорово напугала. Не могу тебе передать, как мы рады, что ты идешь на поправку. – Он снова пропустил вперед Тейта.

– Пришел твой хирург, Кэрол.

Тейт поменялся местами с доктором Сойером, который с улыбкой смотрел на больную.

– Мы уже встречались с вами, Кэрол. Только вы этого не помните. По просьбе ваших родных я навестил вас уже на второй день. Хирург черепно-лицевого отделения сразу предпринял все необходимые меры, как только вы были сюда доставлены. А теперь – моя очередь.

В ее глазу мелькнула тревога. Тейт был рад, что Сойер это тоже заметил. Он потрепал ее по плечу.

– Кости лицевого отдела черепа сильно повреждены. Не сомневаюсь, что для вас это не новость. Я знаю, что ваш супруг уже объяснял вам, что лицо можно будет полностью восстановить, но я хочу, чтобы вы теперь слышали это от меня. Я сделаю из вас новую Кэрол Ратледж, еще более красивую, чем прежняя.

Ее забинтованное тело все напряглось. Она попыталась помотать головой и стала издавать отчаянные грудные звуки.

– Что она хочет сказать? – спросил Тейт у врача.

– Что она мне не верит, – спокойно ответил тот. – Она напугана. Обычное дело. – Он наклонился над Эйвери. – Боль, которую вы испытываете, – главным образом от ожогов, но они все неглубокие. Врач ожогового отделения лечит их антибиотиками. Я прооперирую вас не раньше, чем будет сведен до минимума риск инфицирования как через кожу, так и через легкие. Через одну-две недели вы сможете двигать руками. Вам начнут делать физиотерапевтические процедуры. Эти повреждения носят только временный характер, уверяю вас. – Он нагнулся еще ниже. – Теперь давайте поговорим о вашем лице. Рентген вам сделали, еще когда вы были без сознания. Я внимательно изучил снимки и знаю, что и как надо делать. На операции мне будут ассистировать первоклассные хирурги. Их у меня целая бригада. – Он коснулся ее повязки концом шариковой ручки, как бы намечая контуры будущего лица. – Используя костный трансплантат, мы сделаем вам новые скулы и нос. Челюсть мы восстановим с помощью штифтов, зажимов и спиц. У меня в арсенале масса таких штучек. От виска до виска у вас по темечку пройдет невидимый шрам. Под каждым глазом по линии ресниц мы сделаем насечки. Они тоже будут незаметны. Нос будем делать изнутри, так что здесь шрамов не будет вовсе. Сразу после операции ваше лицо распухнет и покраснеет, так что приготовьтесь к тому, что вы будете выглядеть просто жутко. Но через несколько недель вы снова станете неотразимой красавицей.

– А волосы, доктор Сойер? – спросила Зи.

– Часть придется сбрить, поскольку мне понадобится кусочек ее кожи для пересадки на нос. Но если вас интересует, отрастут ли волосы, сгоревшие в пожаре, то могу вам сообщить, что специалисты ожогового отделения уверены, что да. Это – самая легкая из наших проблем, – сказал он, с улыбкой глядя на забинтованное лицо. – Боюсь, что на какое-то время вам придется отказаться от твердой пищи. Во время операции протезист удалит корни зубов и вставит внутрочелюстные имплантаты. Спустя две-три недели у вас будут новые зубы – точная копия ваших настоящих зубов. Пока будут делать зубы, вам придется получать пищу через трубку, а со временем вы перейдете на мягкую пищу.

Тейт заметил, как беспокойно двигается глаз Кэрол, будто ища у него поддержки. Он стал убеждать самого себя, что докторам виднее, как себя вести и что делать. Конечно, хирург

не обращает внимания на тревогу Кэрол, потому что привычен к волнению пациентов. Тейта же оно не на шутку встревожило.

Из папки, которая была у него с собой, Соьер достал большую цветную фотографию Кэрол.

– Посмотрите сюда, миссис Ратледж.

Кэрол на снимке улыбалась той обворожительной улыбкой, которая в свое время и околдовала Тейта. Глаза светились озорством. Лицо обрамляли блестящие темные волосы.

– Операция продлится целый день, мы даже обедать не пойдем, – сказал врач, – но мы с коллегами вернем вам ваше лицо. Не пройдет и восьми-десяти недель после операции, как вы будете выглядеть вот так, только моложе и красивее и с короткой стрижкой. Можно ли мечтать о большем?

Кэрол явно была не удовлетворена. От Тейта не укрылось, что, вместо того чтобы развеять ее страхи, визит хирурга только усилил их.

Эйвери попыталась шевельнуть конечностями или хотя бы пальцами рук или ног, но тело отказывалось повиноваться. Головой она и вовсе не могла двинуть. Тем временем каждая последующая минута приближала ее к катастрофе, предотвратить которую было не в ее власти.

Все последние дни – сколько точно, она не могла сказать, но, видимо, около десяти, – она пыталась придумать способ донести до всех правду, о которой знала только она. Пока она ничего не придумала. По мере того как дни шли и раны у нее на теле заживали, тревога нарастала. Все вокруг думали, что это вызвано задержкой с проведением пластической операции.

Наконец Тейт объявил ей, что операция назначена на следующий день.

– Сегодня был консилиум. Все доктора пришли к заключению, что опасность миновала. Соьер принял решение оперировать. Я приехал сразу, как мне сообщили.

Чтобы сказать ему, какая чудовищная ошибка совершается, у нее остается только сегодняшний вечер. Странно, но она нисколько не винила его, хотя в этой трагической цепи событий была доля и его вины. На самом деле она привыкла к его визитам и с нетерпением ждала их. Ей почему-то было с ним надежнее, чем одной.

– Думаю, теперь я могу тебе признаться, что с первого взгляда Соьер мне не понравился, – осторожно присаживаясь на край постели, продолжал он. – Честно сказать, он мне и теперь не нравится, но я ему доверяю. Ты знаешь, что, если бы у меня были сомнения в его высочайшей квалификации, я не позволил бы ему делать операцию.

В этом она не сомневалась и потому утвердительно моргнула.

– Ты боишься?

Она снова моргнула.

– Не могу сказать, что не понимаю тебя, – сказал он угрюмо. – Ближайшие недели будут для тебя очень трудными, Кэрол, но ты с этим справишься. – Его улыбка стала жестче. – Ты всегда твердо стояла на ногах.

– Мистер Ратледж?

Он повернулся на женский голос, окликнувший его от двери, давая Эйвери редкую возможность разглядеть его профиль. Да, с мужем Кэрол Ратледж повезло.

– Вы просили меня напомнить о драгоценностях миссис Ратледж, – сказала сестра. – Они все еще в сейфе.

Мозг Эйвери лихорадочно заработал. Она уже не раз представляла себе, как он войдет в палату и выложит украшения на кровать. «Это вещи не Кэрол, – скажет он. – Но кто вы?» Однако этого не произошло. События развивались по своему сценарию. Может быть, еще не все потеряно?

– Все время забываю их забрать, – ответил он с досадой. – Не могли бы вы послать кого-нибудь вниз забрать их для меня?

– Сейчас позвоню и узнаю.

– Буду вам весьма признателен. Спасибо.

Сердце Эйвери бешено забилося. Она мысленно возносила Господу молитву. Вот сейчас, накануне операции, в одиннадцатом часу вечера, она будет спасена. Ей действительно нужна пластическая операция, но восстанавливать надо лицо Эйвери Дэниелз, а не кого-то еще.

– Ну, в операционной драгоценности тебе не понадобятся, – говорил тем временем Тейт. – Но я понимаю, что ты будешь чувствовать себя увереннее, зная, что твои вещи не пропали и находятся у меня.

Мысленно она ликовала. Все будет в порядке. Ошибка выяснится, ей больше не о чем волноваться.

– Мистер Ратледж, к сожалению, забирать вещи из сейфа кому-либо, кроме самого больного или его близких родственников, против правил нашей клиники. Я никого не могу за ними послать. Извините.

– Ничего страшного. Я постараюсь за ними зайти завтра.

У Эйвери внутри все оборвалось. Завтра будет слишком поздно. Она спрашивала себя, почему Господь уготовил ей это. Не достаточно ли уже она наказана за ту ошибку? Или вся оставшаяся жизнь будет для нее одним сплошным испытанием во искупление единственного провала? Она и так уже потеряла профессиональную репутацию, лишилась доверия коллег, разрушила свою карьеру. Неужели у нее отнимут еще и собственное имя?

– Есть еще одно обстоятельство, мистер Ратледж, – неуверенно проговорила сестра. – Там внизу вас ждут два репортера.

– Репортеры?

– С одной телестудии.

– Здесь? Сейчас? Их что, прислал Эдди Пэскел?

– Нет. Я у них сразу спросила. Просто охотники до сенсаций. По-видимому, просочились слухи, что завтра операция. Они хотят поговорить с вами о последствиях авиакатастрофы для вашей семьи и предвыборной гонки. Что мне им сказать?

– Пусть идут к черту.

– Но, мистер Ратледж, я не могу им этого сказать.

– Конечно, нет. Если вы это сделаете, Эдди убьет меня на месте, – проворчал он себе под нос. – Скажите им, что, пока мои жена и дочь не поправились окончательно, я не намерен делать никаких заявлений по этому поводу. А если они не уйдут, обратитесь к охранникам. И скажите им также, что, если только они попытаются проникнуть в детское отделение и станут приставать к моей дочери или матери, они об этом очень пожалеют.

– Мне жаль, что я доставила вам столько хлопот...

– Вы тут ни при чем. Если они будут вам докучать, зовите меня.

Когда он снова повернулся к ней, Эйвери сквозь слезы заметила тревогу и усталость в его лице.

– Стервятники... Вчера одна газета выхватила из моей речи фразу о ловле креветок в прибрежных водах и процитировала ее вне контекста. Сегодня утром у меня телефон раскалывался от звонков, пока Эдди не состряпал встречное заявление с требованием опровержения.

Всякая недобросовестность вызывала у него возмущение.

Эйвери хорошо его понимала. Она достаточно времени провела в Вашингтоне и знала, что из политиков не страдают только самые беспринципные. Людям честным, каким ей казался Тейт Ратледж, приходилось нелегко.

Неудивительно, что он выглядел таким усталым. На его плечах было не только бремя предвыборной гонки, но еще и получивший моральную травму ребенок и жена, которой тоже предстоят тяжкие испытания.

Только... она – не жена ему. Она – чужая женщина. И она не может ему сказать, что он доверяется постороннему человеку. Она не может оградить его от нападков прессы или помочь справиться с проблемами Мэнди. Она даже не может предупредить его, что кто-то собирается его убить.

Он просидел с ней до утра. Просыпаясь среди ночи, она всякий раз видела его рядом. По мере того как усталость накапливалась, складки у него на лице становились все глубже. От недосыпания глаза покраснели. Один раз Эйвери слышала, как сестра уговаривала его пойти отдохнуть, но он отказался.

– Я не могу ее сейчас оставить, – сказал он. – Она очень боится.

Мысленно она зарыдала. «Нет, не уходи. Не оставляй меня одну. Я не могу остаться одна».

Наверное, было уже утро, когда другая сестра принесла ему чашку горячего кофе. Запах был потрясающий, Эйвери страстно захотелось кофе.

Явились техники перенастроить аппарат искусственной вентиляции легких. Постепенно ее отлучали от машины – по мере того как легкие оправлялись после химического отравления. По сравнению с тем, как работал аппарат в первые дни, нагрузка на него была снижена многократно, но все же на несколько дней он ей еще понадобится.

Санитары стали готовить ее к операции. Сестры измеряли давление. Она пробовала перехватить чей-нибудь взгляд, чтобы попытаться еще раз донести до них, что происходит чудовищное недоразумение, но никто не обращал на запеленутую с ног до головы пациентку никакого внимания.

Тейт ненадолго вышел, а когда вернулся, с ним был уже доктор Соьер. Этот был бодр и весел.

– Ну, как дела, Кэрол? Мистер Ратледж сказал, что вы неважно спали, зато сегодня – ваш день.

Он внимательно изучал ее карту. Много из того, что он говорил, произносилось чисто машинально, поняла Эйвери. По-человечески он был ей глубоко несимпатичен, как и Тейту.

Удовлетворившись показателями жизненно важных функций организма, он передал карту сестре.

– В физическом смысле у вас дела идут превосходно. Не пройдет и нескольких часов, как у вас будет новое лицо, и тогда можно будет говорить уже об окончательном выздоровлении.

Собрав все силы, она стала издавать утробные звуки, пытаясь сказать о той роковой ошибке, которую они собираются совершить. Хирург истолковал ее по-своему, решив, что она все еще сомневается в успехе операции.

– Это вполне реально, обещаю вам. Через полчаса начнем.

Она снова попыталась протестовать, на сей раз прибегая к единственному доступному ей средству: она отчаянно заморгала.

– Введите ей предоперационное седативное, чтобы она немного успокоилась, – бросил он сестре и вышел из палаты.

В отчаянии Эйвери мысленно вскрикнула.

Тейт сделал шаг вперед и сжал ей плечо.

– Кэрол, все будет в порядке.

Сестра ввела в вену шприц с наркотиком. В сгибе локтя Эйвери почувствовала легкое потягивание. Через несколько секунд по телу побежало уже знакомое тепло, и скоро даже кончики пальцев ног у нее стали горячими. Это была nirvana, ради которой наркоманы готовы убить. Восхитительное бесчувствие. Она в момент стала невесомой и прозрачной. Лицо Тейта начало расплываться, а потом исчезло вовсе.

– Все будет в порядке. Клянусь тебе, Кэрол.

«Я не Кэрол».

Она усилием воли держала глаз открытым, но он закрывался сам собой под тяжестью свинцового века.

– ...ждать тебя, Кэрол, – сказал он нежно.

«Я Эйвери. Я Эйвери. Я не Кэрол».

Но после операции она уже будет Кэрол.

6

– Не могу понять, что тебя так огорчает.

Тейт круто развернулся и гневно посмотрел на менеджера своей предвыборной кампании. Эдди Пэскел выдержал его взгляд совершенно невозмутимо. По опыту он знал, что Тейт легко может вспылить, но быстро отходит.

Как он и ожидал, огонь в глазах Тейта скоро погас. До этого он стоял, агрессивно подбоченясь, а теперь опустил руки.

– Эдди, ради всего святого, моя жена только что перенесла очень сложную операцию, которая длилась много часов.

– Понимаю.

– Тогда что непонятного в том, что я разозлился, когда меня окружила толпа назойливых репортеров с их дурацкими вопросами? – Тейт недоуменно помотал головой и вздохнул. – Придется тебе им объяснить. Я был попросту не в настроении давать пресс-конференцию.

– Даже если они перешли все границы...

– Это мягко сказано.

– Но ты сорок секунд был в эфире в шестичасовом и десятичасовом выпуске новостей – и притом на всех трех каналах. Я записал и потом прокрутил еще раз. Ты выглядел раздраженным, хотя, учитывая обстоятельства, это вполне объяснимо. Но в целом, я думаю, это сработало в нашу пользу: ты пал жертвой бессердечных журналистов. Избиратели будут на твоей стороне. Это безусловный плюс.

Тейт грустно усмехнулся, опускаясь в кресло.

– Ты не лучше Джека. Ты не можешь абстрагироваться от кампании, все время прикидываешь, что для нас хорошо, а что – плохо. – Он провел ладонями по лицу. – О господи, как я устал.

– Выпей пивка. – Эдди достал из маленького холодильника запотевшую банку и протянул Тейту. Взяв и себе тоже, он устроился на краю постели. Они находились в номере Тейта. Какое-то время они молча потягивали пиво, потом Эдди спросил: – Что говорят врачи?

Тейт вздохнул:

– Этот Сойер после операции заливался соловьем. Говорит, что полностью удовлетворен, якобы это лучшая работа его бригады за все годы.

– Самореклама или правда?

– Остается только молиться, чтоб было правдой.

– А когда ты сам сможешь в этом убедиться?

– Сейчас вид у нее неважный. Но через несколько недель...

Он сделал неопределенный жест и еще больше ссутулился в кресле, вытянув перед собой длинные ноги так, что почти коснулся ботинками начищенных до блеска туфель Эдди. На нем были джинсы, еще усугублявшие контраст с Пэскелом, одетым в отутюженные темно-синие фланелевые брюки.

Пока что Эдди не придирался к его внешнему виду. Предвыборная платформа была рассчитана на то, чтобы найти отклик в душе простого человека, а именно – техасского среднего класса. Тейт Ратледж должен был стать защитником униженных. И его одежда пока вполне соответствовала этой роли. Впрочем, это не был политический маневр, он одевался так еще с начала семидесятых, когда они с Эдди учились в Техасском университете.

– Сегодня умер один из уцелевших в катастрофе, – тихо сообщил Тейт. – Парень моих лет, женат, четверо детей. Получил множественные повреждения внутренних органов, но его как-то склеили, и все думали, он выкарабкается. И вот – умер от инфекции. Господи, – он помотал головой, – ты можешь себе представить – пережить такое и умереть от инфекции?

Эдди понял, что его друг захандрил. Это было опасно как для Тейта лично, так и для всей кампании. Джек уже высказывал опасения по поводу морального состояния Тейта. И Нельсон тоже. В числе прочего в обязанности Эдди входило следить за настроением Тейта и не допускать никаких депрессий или срывов.

– А как Мэнди? – спросил он нарочито бодрым голосом. – Все добровольные помощники в нашей штаб-квартире по ней соскучились.

– Мы сегодня повесили у нее в комнате плакат с автографами. Не забудь поблагодарить всех от моего имени.

– Да, ребята хотели как-то ознаменовать ее выписку домой. Должен тебя предупредить: завтра она получит плюшевого медведя больше тебя ростом. Ты ведь знаешь, она прямо-таки королева предвыборной кампании.

Наградой Эдди была вялая улыбка.

– Врачи говорят, что переломы у нее заживут бесследно. И от ожогов следов не останется. Она сможет играть в теннис, выступать на стадионе в группе поддержки школьной команды, танцевать – одним словом, делать все, что угодно.

Тейт поднялся и сходил еще за парой пива. Опять устроившись в кресле, он сказал:

– Физически она оправится. А вот с психикой – тут есть сомнения.

– Дай ребенку время. С такими потрясениями и взрослому нелегко справиться. Не случайно авиакомпании держат специальный штат психологов для тех, кто уцелел в катастрофе, и родственников погибших.

– Я знаю, но Мэнди и без того была чересчур застенчива. А теперь она производит впечатление абсолютно закомплексованного ребенка. Она зажалась. Конечно, если я очень стараюсь, мне удастся ее рассмешить, но мне кажется, она просто хочет мне угодить. В ней не осталось живости, подвижности. Она все время лежит, уставившись перед собой. Мама говорит, во сне она плачет и просыпается от кошмаров.

– А что психолог?

– Эта дубина? – Тейт вполголоса выругался. – Она говорит, что нужно время и терпение и что мне не следует требовать от ребенка слишком многого.

– Ну видишь, все то же самое.

– Я не сержусь на Мэнди за то, что она отказывается действовать по команде, – отрезал он. – Психолог имела в виду именно это, отчего я и пришел в ярость. Но понимаешь, у моей девочки такой вид, как если бы на ее плечах лежал груз всей вселенной, а это ненормально для трехлетнего ребенка, согласись.

– Но ты ведь не видел детей, оставшихся в живых после авиакатастрофы, – резонно возразил Эдди. – Эмоциональное потрясение, которое она пережила, не может пройти в одночасье, это тебе не физическая травма.

– Я понимаю. Просто... черт, Эдди, не знаю, сумею ли я оправдать ожидания Кэрл и Мэнди, да к тому же еще и избирателей.

Больше всего Эдди боялся, что Тейт раздумает баллотироваться и сойдет с дистанции. Когда Джек сказал, что среди журналистской братии ходят слухи, будто Тейт собирается снять свою кандидатуру, первым его желанием было найти этих сплетников и поубивать на месте. К счастью, до Тейта эти слухи не дошли. Да, надо что-то делать, чтобы поддержать моральный дух кандидата на нужной высоте.

Подавшись вперед, он сказал:

– Ты помнишь, как на втором курсе ты выиграл для нас товарищеский теннисный турнир?

Тейт ответил неуверенно:

– Смутно.

– «Смутно», – усмехнулся Эдди. – Ты и не можешь этого помнить отчетливо, потому что ты был в страшном похмелье. Ты тогда забыл, что предстоит игра, и всю ночь пропьянствовал. Мне пришлось вытаскивать тебя из постели, ставить под холодный душ и тащить к девяти часам на корт, иначе нам записали бы неявку.

Тейт посмеивался.

– И что ты хочешь этим сказать? К чему ты это вспомнил?

– Я это вспомнил потому, – сказал Эдди, сползая с кровати, – что ты сумел взять себя в руки в сложнейших обстоятельствах, когда знал, что должен это сделать. Ты был нашей единственной надеждой на победу в турнире и хорошо это понимал. И ты выиграл, несмотря на то что за несколько минут до матча с трудом продрал глаза и выbleвал дюжину пива.

– Да, но сейчас не студенческий турнир по теннису.

– Зато ты, – сказал Эдди, тыча в него пальцем, – ты остался прежним. Сколько я тебя знаю, ты всегда умел быть на высоте момента. В те два года, что мы вместе учились в университете, и потом, в летном училище, и во Вьетнаме, когда ты тащил меня на себе из этих проклятых джунглей, – ты всегда вел себя как герой.

– Не хочу я быть героем. Я хочу быть сенатором от штата Техас, приносящим пользу своему народу.

– И ты им станешь.

Эдди хлопнул себя по коленкам, будто приняв какое-то важное решение, поднялся и поставил пустую банку на столик. Тейт тоже встал. Случайно он поймал свое отражение в зеркале.

– Господи боже ты мой! – Он провел рукой по колючему подбородку. – Кто станет голосовать за эту образину? Почему ты мне не сказал, на кого я похож?

– Смелости не хватило. – Эдди легонько стукнул его по спине. – Тебе надо как следует отдохнуть. И совету с утра тщательно побриться.

– С утра я уеду в госпиталь. Мне сказали, что Кэрл переведут из послеоперационной в отдельную палату около шести часов. Я должен быть там.

Эдди несколько секунд изучал сверкающие носки своих туфель, а затем поднял глаза на друга.

– Ты так возишься с ней все это время, это даже трогательно.

Тейт сдержанно кивнул:

– Спасибо.

Эдди хотел было что-то добавить, но передумал, рассудив, что Тейту не понравятся советы относительно его семейной жизни, особенно из уст холостяка. Он ограничился дружеским похлопыванием по плечу.

– Ухожу, а ты ложись. Завтра созвонимся. Послушаем, что эти врачи скажут.

– Что там дома?

– Все как всегда.

– Джек говорил, ты пристроил Фэнси помогать в предвыборной кампании?

Эдди рассмеялся и, зная, что Тейт не обидится на едкое замечание в адрес племянницы, добавил:

– Днем она у меня засовывает буклеты в конверты. Кто и что ей куда засовывает ночью – не могу сказать.

На скорости семьдесят пять миль в час Фрэнсин-Энджела Ратледж промчалась мимо загона для скота. Машине был год от роду, но она обращалась с ней так, что вполне можно было дать и все пять. Пристегиваться было не в правилах Фэнси, так что на ухабе ее подбросило на добрых шесть дюймов. Приземлившись, она рассмеялась. Она обожала, когда ветер трепал

ей длинные распущенные волосы, даже зимой. Быстрая езда с полным несоблюдением правил дорожного движения была только одним из увлечений Фэнси.

Другим ее увлечением был Эдди Пэскел.

Эта страсть возникла недавно и пока что оставалась нереализованной и безответной. Впрочем, Фэнси ни на минуту не сомневалась, что это только вопрос времени.

Пока же она развлекалась с коридорным в мотеле «Холидей инн» в Кервиле. Они познакомились несколько недель назад в шоферской закуской. Она заскочила туда на обратном пути из кино, поскольку это было одно из немногих заведений в городе, где можно перекусить в любое время суток.

Поверх пластмассового бортика, разделявшего кабинки в кафе, Бак и Фэнси обменялись пламенными взглядами. Фэнси потягивала через соломинку кока-колу, а Бак уписывал чизбургер с беконом. То, как он яростно впивался зубами в жирный сэндвич, возбудило ее. Поэтому, проходя мимо его кабинки, она замедлила шаг, словно желая заговорить, но потом продолжила путь. Она быстро расплатилась, против обыкновения обойдясь без лишних слов, и пошла к машине.

Усевшись за руль, она самодовольно улыбнулась. Теперь надо немного подождать. Сквозь окно кафе она видела, как парень торопливо запихнул в рот последний кусок и, на ходу швырнув на стол деньги, устремился к выходу.

Они познакомились и после нескольких фраз пришли к полному взаимопониманию, после чего парень предложил встретиться в том же месте вечером следующего дня и поужинать. У Фэнси возникла еще более заманчивая идея – позавтракать вместе в мотеле.

Бак заявил, что это его даже больше устроит, поскольку у него ключи от всех свободных номеров в «Холидей инн». Этот рискованный план показался Фэнси интересным. Губы ее сами сложились в отработанную соблазнительную улыбку, против которой, она знала, никто не мог устоять. Эта улыбка обещала впереди массу приключений.

– Я буду ровно в семь, – протянула она с хрипотцой. – Я принесу пончики, а за тобой – резинки. – Хотя ее моральные устои были не выше, чем у бродячей кошки, все же у нее хватало ума и эгоизма, чтобы не рисковать здоровьем с каждым встречным и поперечным.

Бак оправдал ее ожидания. Ему, возможно, не доставало опыта, но вынослив он был до чрезвычайности. Он был так силен по этой части и так жаждал ей угодить, что она сделала вид, будто не замечает прыщей у него на заднице. В целом фигура у него была отличная. Поэтому она встретила с ним еще раз шесть.

Сегодняшний вечер – а сегодня у него выходной – они проведут в обшарпанной квартире, которой он так гордится, наскоро соорудят ужин из какого-нибудь мексиканского полуфабриката и запьют дешевым вином, покуривая дорогую травку – это был вклад Фэнси в программу вечера, – а потом будут трахаться на ковре, который казался ей все же немного чище, чем постельное белье.

Бак милый. Он честный. И пылкий. И не раз говорил, что любит ее. С ним полный порядок. И вообще – людей без недостатков не бывает.

Если не считать Эдди.

Она вздохнула, так что тонкий свитер натянулся у нее на груди. Она была без лифчика. К большому неодобрению бабушки Зи, Фэнси не признавала ограничений собственной свободы, налагаемых бюстгальтерами, – как и ремнями безопасности.

Эдди красив. Он всегда такой ухоженный. И одевается как настоящий джентльмен, а не какой-нибудь мальчишка. В основном местные мужики – по преимуществу неотесанная деревенщина – одеваются по-ковбойски. Господи! Никто не спорит, что одежда в стиле «вестерн» может быть иногда очень подходящей. Она сама была одета как пугало, когда год назад ее избрали королевой родео. Но это уместно лишь на родео, по крайней мере у нее такое мнение.

Эдди же носит темные костюмы-тройки, шелковые сорочки и итальянские кожаные туфли. От него всегда пахнет так, будто он только что из-под душа. Представив его в ванной, она почувствовала влажное тепло у себя между ног. Она жила ожиданием дня, когда сможет дотронуться до его обнаженного тела, поцеловать его, обласкать всего-всего. Она не сомневалась, что это будет истинным наслаждением.

При этой мысли она задрожала от возбуждения, но блаженное чувство вскоре сменилось озабоченностью. Сначала ей придется излечить его от комплексов по поводу разницы в возрасте. Потом надо будет убедить его, что ничего нет в том, что она племянница его лучшего друга. Собственно, Эдди не говорил ей напрямую, что это его останавливает, но она просто не могла найти иного объяснения его сдержанности в ответ на откровенно призывные взгляды, которые она на него бросала.

Когда она согласилась поработать в штабе предвыборной кампании, все семейство прямо-таки пришло в восторг. Дед чуть не задушил ее в объятиях. Бабуля засияла своей пошлой «дамской» улыбочкой, которую Фэнси ненавидела всей душой, и заявила мягким, невыразительным голосом: «Вот и чудесно, моя милая». Отец, запинаясь от удивления, тоже пробормотал что-то одобрительное. А мамуля вдруг протрезвела настолько, что смогла даже выговорить длинную тираду насчет того, как она рада, что дочь займется для разнообразия чем-то полезным.

В душе Фэнси надеялась, что и Эдди будет рад ее решению, но он отреагировал весьма сдержанно. Он только сказал: «Мы будем рады любой помощи. Кстати сказать, ты печатать умеешь?»

«Я умею трахаться!» – хотела она крикнуть. Но промолчала, дабы не доводить бабушку с дедушкой до сердечного приступа, а также потому, что, по ее мнению, Эдди наверняка знал, что она хочет ему сказать, и она твердо решила не доставлять ему удовольствия своим замешательством.

Поэтому она с должным почтением взглянула на него и ответила: «Чем бы я ни занималась, Эдди, я делаю это с душой».

Взметая пыль, сногсшибательный «Мустанг»-кабриолет подрулил к дому, и Фэнси заглушила мотор. Она надеялась, что ей удастся потихоньку пробраться в крыло дома, занимаемое ею и ее родителями, но на этот раз ей не повезло. Не успела она притворить за собой дверь, как из гостиной раздался голос деда:

– Кто там?

– Это я, дед.

Он вышел в переднюю.

– Привет, малышка. – Он нагнулся и поцеловал ее в щеку.

Фэнси знала, что на самом деле он просто проверяет, не пахнет ли от нее спиртным. Она была к этому готова и по дороге изжевала три ментоловые пастилки, чтобы отбить запах дешевого вина и наркотика.

Удовлетворившись, он отпустил ее.

– Где ты сегодня была?

– В кино, – ответила она как ни в чем не бывало. – Как тетя Кэрл? Операция прошла успешно?

– Доктор сказал, отлично. Но первые несколько дней результатов не увидишь.

– Господи, вот ужас, случится же такое – и с лицом, да? – Фэнси изобразила на своей хорошенькой мордашке подобающее случаю огорчение. Когда было надо, она умела ангельски хлопать длинными ресницами. – Надеюсь, все кончится благополучно.

– Я в этом уверен.

По его нежной улыбке она поняла, что дед тронут ее «обеспокоенностью».

– Ну ладно, что-то я устала. Фильм был такой нудный, я чуть не заснула. Спокойной ночи, дед. – Она поднялась на цыпочки и поцеловала его, мысленно съезжившись. Если бы он знал, что делали ее губы час назад, он отстегал бы ее кнутом.

Пройдя через холл, она повернула налево. В конце коридора были широкие двустворчатые двери, за которыми находились комнаты ее и родителей. Она уже собиралась войти к себе, когда из спальни высунулся отец.

– Фэнси, это ты?

– Привет, пап, – сказала она, сладко улыбаясь.

– Привет.

Он не стал спрашивать, где она была, поскольку это его мало интересовало. Поэтому она решила сказать сама.

– Я была... у подружки. – Выдержав из тактических соображений небольшую паузу и дождавшись, пока лицо отца примет страдальческое выражение, она спросила: – А где мама?

Он бросил взгляд назад:

– Спит.

Даже отсюда был слышен звучный храп. Она не просто «спала», ей нужно было про-спаться.

– Ну, тогда спокойной ночи, – сказала Фэнси, входя в свою комнату.

Он еще задержал ее:

– Как дела в штабе кампании?

– Все отлично.

– Работа нравится?

– Нормально. Надо же хоть чем-то заняться.

– Ты могла бы еще поучиться в колледже.

– Пошел он в задницу.

Отец поморщился, но смолчал. Как она и ожидала.

– Спокойной ночи, Фэнси.

– Спокойной ночи, – отозвалась она дерзко и с шумом захлопнула за собой дверь.

7

– Я мог бы завтра привести к тебе Мэнди. – Тейт пристально рассматривал ее. – Отеки уже стали проходить, теперь она сможет тебя узнать.

Эйвери посмотрела на него. Хотя всякий раз при взгляде на ее лицо он ободряюще улыбался, она знала, что вид у нее еще довольно страшный. Больше не спрячешься за повязкой. Как сказал бы Айриш, от этого тянет блевать.

Тем не менее за неделю, которая прошла после операции, она ни разу не заметила, чтобы Тейт избегал смотреть ей в лицо. И она была благодарна ему. Как только она будет в состоянии держать в руках карандаш, она напишет ему об этом. Повязку с рук сняли несколько дней назад. Вид красной, лоснящейся, незажившей кожи привел ее в ужас. Ногти были коротко острижены, отчего руки казались чужими и некрасивыми. Она ежедневно делала упражнения с резиновым мячиком, изо всех сил сжимая его ослабевшими пальцами, но пока у нее еще не было сил и ловкости зажать в руках карандаш. Как только это произойдет, чего только она не напишет Тейту Ратледжу.

Наконец-то ее освободили от ненавистного дыхательного аппарата. Однако, к ее разочарованию, она все равно не смогла издать ни звука. Для тележурналиста, карьера которого и без того пошатнулась, это было горьким открытием.

Правда, врачи сказали ей, что волноваться не о чем, голос со временем восстановится. Ее предупредили, что когда она начнет говорить, то сначала не сможет сама себя понять, но это нормально, учитывая, что голосовые связки получили сильный химический ожог от дыма.

Более того, у нее не было ни волос, ни зубов, а пищу ей давали только жидкую и через соломинку. В общем и целом она все еще была развалина.

– Что ты на это скажешь? – спросил Тейт. – Есть у тебя желание повидаться с Мэнди?

Он улыбался, но Эйвери видела, что это неискренне. Ей было его жаль. Он изо всех сил старался быть бодрым и веселым. Сразу после операции она слышала от него только ободряющие слова. Он и тогда, и сейчас говорил ей, что операция прошла блестяще. Доктор Сойер и все сестры на этаже нахваливали ее за быстрое выздоровление и хорошее настроение.

Какое еще может быть настроение в ее положении? Если бы она могла держать в руках костыли, ей бы и сломанная нога была не помеха, но пока руки были слишком слабы, и она все еще прикована к больничной койке. К черту хорошее настроение. Откуда им знать, что у нее на душе? Может, она вся кипит от злости? Она, конечно, ни на кого не злилась, но только оттого, что это было бессмысленно. Дело уже сделано. Вместо лица Эйвери Дэниелз теперь другое лицо. Она не могла избавиться от этой навязчивой мысли. На глаза навернулись слезы.

Он истолковал их по-своему.

– Обещаю, что Мэнди пробудет здесь недолго, но я уверен, что даже короткое свидание с тобой пойдет ей на пользу. Ты знаешь, она уже дома. Все ее балуют, даже Фэнси. Но она по-прежнему спит тревожно. Возможно, если она с тобой повидается, это ее успокоит. Может, она думает, что ей говорят неправду и на самом деле тебя уже нет. Она так не говорит, но она вообще все время молчит.

С удрученным видом он уронил голову и принялся разглядывать руки. Эйвери уткнулась взглядом ему в макушку. Волосы у него росли вокруг завитка, который был расположен немного несимметрично. Ей нравилось на него смотреть. Не знаменитый доктор, который ее оперировал, и не искусные медсестры, а Тейт Ратледж стал теперь для нее центром вселенной.

Как ей и обещали, левый глаз, как только была реконструирована поддерживающая его лицевая кость, стал видеть нормально. На третий день после операции сняли швы на ресницах. Шинку с носа обещали удалить завтра.

Каждый день Тейт заказывал ей в палату свежие цветы, как бы отмечая букетом очередной шаг к выздоровлению. Входя, он всегда улыбался. Он никогда не скупился на маленькую лесть.

Эйвери было его жаль. Хотя он и старался не показать виду, но она чувствовала, что навещает он ее больше по обязанности. И все же, если бы он вдруг перестал приходить, она бы, наверное, умерла.

В комнате не было зеркал – вообще ничего, в чем могло бы отразиться ее лицо. Она не сомневалась, что это было сделано умышленно. Ей не терпелось узнать, как она на самом деле выглядит. Может быть, причиной для отчуждения, которое Тейт столь старательно скрывает, является как раз ее уродство?

Как у всякого человека, оказавшегося физически неполноценным, у нее сейчас были обострены все чувства. Она научилась читать между строк, понимать то, что не говорилось, а лишь подразумевалось. Тейт был со своей «женой» вежлив и предупредителен. Того требовала элементарная порядочность. И все же между ними существовал едва уловимый барьер, причина которого была пока Эйвери неясна.

– Так привести мне ее или нет?

Он сидел на краю кровати, стараясь не побеспокоить ее сломанной ноги, которая была поднята вверх. «Наверное, сегодня холодно», – подумала она, глядя на его замшевый пиджак. Зато светит солнце: в дверях он снял и убрал в нагрудный карман темные очки. Глаза у него серо-зеленые, взгляд – открытый и обезоруживающий. «Да, весьма привлекательный мужчина», – подумала она.

Разве она может отказать ему в этой просьбе? Он был так добр к ней. Пусть даже эта девочка не ее дочь, но, если это способно доставить радость Тейту, она готова сыграть роль ее матери. Один раз.

Теперь она могла не только моргать единственным открытым глазом, но даже выразить свое согласие кивком головы. По сравнению с ее предшествующим состоянием это был значительный прогресс.

– Вот и отлично. – На сей раз улыбка шла от души. – Я посоветовался со старшей медсестрой, она говорит, ты уже можешь одеваться в свои вещи, если хочешь. Я взял на себя смелость прихватить для тебя несколько ночных рубашек и халатов. Для Мэнди будет лучше, если она увидит тебя в чем-то привычном.

Эйвери снова кивнула.

В дверях возникло оживление, и она перевела взгляд в ту сторону. Вошли мужчина и женщина, в которых она узнала родителей Тейта, Нельсона и Зиннию – или Зи, как ее все называли.

– Ого, вы только посмотрите. – Нельсон опередил жену и стремительно подошел к кровати. – Ты прекрасно выглядишь, правда, Зи?

Зи встретила глазами с Эйвери.

– Намного лучше, чем вчера, – вежливо подтвердила та.

– Пожалуй, этот доктор не зря получил свой фантастический гонорар, – смеясь, заметил Нельсон. – Никогда не верил в пластические операции. Всегда считал, что это каприз тщеславных богатых женщин, которым некуда девать мужнины деньги. Но это, – он показал на лицо Эйвери, – это стоит того.

Их комплименты досаждали Эйвери. Она понимала, что все еще выглядит как жертва авиакатастрофы – и никак не иначе.

Тейт, по-видимому, почувствовал ее раздражение и поспешил переменить тему:

– Кэрол согласилась завтра повидаться с Мэнди.

Зи повернулась к сыну и нервно сплела руки:

– Ты уверен, что это необходимо, Тейт? И Кэрол, и Мэнди?

– Нет, совсем не уверен. Сам боюсь.

– А что говорит детский психолог?

– Какая разница, что она говорит? – отрезал Нельсон. – Как психиатр может знать, что нужно, а что не нужно ребенку? Отцу виднее. – Он похлопал Тейта по плечу. – Я думаю, ты поступаешь правильно. Мэнди будет только на пользу повидаться наконец с матерью.

– Надеюсь, ты прав.

Эйвери заметила, что в голосе Зи прозвучала неуверенность. Она разделяла ее озабоченность, но не могла ее высказать. Оставалось надеяться, что великодушный жест, который она согласилась сделать ради Тейта, не обернется своей противоположностью и не принесет еще большего вреда ребенку, пережившему моральную травму.

Зи обошла палату, доливая воду в вазы с цветами, полученными не только от Тейта, но еще от многих людей, имена которых Эйвери ничего не говорили. Поскольку о родных Кэрол не было до сих пор сказано ни слова, она заключила, что их у нее нет. Единственной ее семьей были родные мужа.

Нельсон и Тейт принялись обсуждать ход предвыборной кампании. Казалось, эта тема занимает их двадцать четыре часа в сутки. Когда прозвучало имя Эдди, она сразу представила себе мужчину с гладко выбритым лицом и в безукоризненном костюме. Он дважды навещал ее, оба раза вместе с Тейтом. Этот человек, постоянно поддерживающий бодрое настроение во всех окружающих, произвел на нее приятное впечатление.

Брата Тейта зовут Джек. Он старше и какой-то нервный. А может, ей так показалось, поскольку когда он приходил, то все время извинялся за жену и дочь, которые не смогли приехать с ним вместе.

Эйвери уже знала, что жена Джека Дороти-Рей постоянно недомогает, хотя об изнурительной болезни речи не было. Фэнси, по-видимому, для всей семьи являлась яблоком раздора. Из отрывочных реплик Эйвери знала, что ей уже достаточно лет, чтобы иметь водительские права, но не так много, чтобы жить отдельно. Вся семья жила в одном доме где-то в часе езды от Сан-Антонио. Теперь она припоминала, что в репортажах о Тейте Ратледже говорилось о ферме и загородном доме. По всем признакам, семья Ратледжей имела деньги, а значит, и соответствующий вес и влияние.

В разговорах с ней все были дружелюбны и корректны. Они тщательно подбирали выражения, с тем чтобы не доставить ей никаких волнений. Но ее больше интересовало то, что крылось за этими вежливыми словами.

Она изучала выражение их лиц, которые, как правило, были насторожены. Улыбки всегда были сдержанные и несколько натянутые. Родные Тейта обращались с его женой учтиво, но в их взаимоотношениях были подводные течения. Здесь не все было гладко.

– Вот красивое платье, – сказала Зи, возвращая мысли Эйвери к происходящему в палате. Она распаковывала вещи, привезенные Тейтом из дома, и развешивала их в шкафу. – Может, завтра, когда придет Мэнди, наденешь его?

Эйвери слегка кивнула.

– Ты еще не закончила, ма? По-моему, ей надо отдохнуть. – Тейт подошел к постели и заглянул ей в глаза. – Завтра у тебя трудный день. Сейчас тебе, наверное, лучше отдохнуть.

– Ни о чем не тревожься, – сказал Нельсон. – У тебя все идет хорошо, как и следовало ожидать. Пойдем, Зи, оставим их вдвоем.

– Пока, Кэрол, – сказала Зи.

Они вышли. Тейт снова присел на край постели. Он выглядел усталым. Как бы ей хотелось набраться смелости и коснуться его рукой, но она не решалась. Он никогда не прикасался к ней – только чтобы утешить, когда видел, что она расстроена. В этих прикосновениях не было любви.

– Мы приедем во второй половине дня, после дневного сна. – Он вопросительно замолчал. Она кивнула. – Жди нас около трех часов. Я думаю, будет лучше, если мы с Мэнди придем вдвоем. Никого брать с собой не будем. – Он отвернулся и неуверенно вздохнул. – Не могу представить, какова будет ее реакция, но прошу тебя, Кэрол, учти, что ей пришлось пережить. Я знаю, тебе досталось еще сильнее, но ты – взрослый человек. У тебя больше сил справиться с этим. – Он снова встретился с ней глазами. – А она всего лишь маленькая девочка. Не забывай. – Выпрямившись, он улыбнулся. – Впрочем, я уверен, все пройдет нормально.

Он поднялся, чтобы уйти. Как всегда, когда он прощался, на Эйвери накатила паника. Он стал для нее единственной ниточкой, связывающей ее с внешним миром. Он был ее единственной реальностью. Уходя, он уносил с собой ее мужество, оставлял одну, охваченную страхами и всеми покинутую.

– Отдохни и хорошенько выспись. До завтра.

На прощание он провел пальцами по ее руке, но не поцеловал. Он никогда ее не целовал. Конечно, ее и целовать-то пока было почти некуда, но, подумалось Эйвери, муж все же мог бы найти способ поцеловать жену – при желании, разумеется.

Она смотрела ему в спину, пока он не скрылся за дверью. Со всех сторон нахлынуло и охватило ее одиночество. Единственным способом побороть его были мысли. Часы бодрствования она проводила, думая о том, как сообщит Тейту Ратледжу, что она – не та, кем он ее считает. Его жена Кэрол наверняка погребена в могиле под именем Эйвери Дэниелз. Как ему сказать об этом?

И как сказать ему, что кто-то из его близких собирается его убить?

Наверное, тысячу раз за последнюю неделю она пыталась убедить себя, что ее таинственный посетитель привиделся ей во сне. Причиной галлюцинации могло стать что угодно. Ей было бы легче поверить, что этого зловещего визита на самом деле не было.

Но она знала, что это не так. Он был. В голове ее все так же отчетливо звучал его голос. Она отлично помнила текст. Угрожающие слова и интонации неизгладимо врезались ей в память. И он не шутил. В этом не могло быть сомнений.

Это должен был быть кто-то из Ратледжей, поскольку в реанимацию допускают только ближайших родственников. Но кто именно? Ни один из них, казалось, не испытывал к Тейту никакой злобы, наоборот, его все обожали.

Она стала перебирать всех по очереди. Отец? Невероятно. Было очевидно, что и отец и мать души в нем не чают. Джек? Не похоже, чтобы у него был зуб на младшего брата. Эдди хотя и не был кровной родней, но воспринимался всеми как член семьи, а дружеские отношения между ним и Тейтом были видны невооруженным глазом. Она еще не слышала голосов Дороти-Рей и Фэнси, но тот, который с ней говорил, явно принадлежал мужчине.

И в то же время этот голос не принадлежал никому из ее недавних посетителей. Тогда как этот незнакомец проскочил в палату? Этот мужчина хорошо знал Кэрол. Он говорил с ней совершенно откровенно и как с соучастницей.

Понимает ли Тейт, что его жена планировала его убить? Догадывался ли он, что она что-то замышляет? Может быть, в этом причина того, что, утешая и подбадривая ее, он остается как бы за невидимым барьером? Эйвери понимала, что он дает ей то, чего от него ждут, не более.

Боже, как ей хотелось сесть рядом с Айришем и разложить перед ним эту головоломку, как она часто делала, когда ей предстояло раскрутить какой-то запутанный сюжет. Вдвоем они бы все поставили на место, нашли бы недостающие звенья. Айриш обладает почти сверхъестественной способностью проникать в мотивы человеческих поступков, и его мнение она всегда ценила выше всех других.

От мыслей о Ратледжах и их проблемах у Эйвери разболелась голова, поэтому она с радостью восприняла укол успокоительного на сон грядущий. Теперь в ее палате в отличие от ярко

освещенного отделения интенсивной терапии оставалась гореть на ночь лишь одна маленькая лампочка.

Балансируя между сном и бодрствованием, Эйвери позволила себе предположить, что будет, если она станет играть роль Кэрол Ратледж. Это будет означать, что Тейт пока останется женатым человеком, Мэнди получит поддержку матери в трудный для нее период реабилитации, а Эйвери Дэниелз, возможно, разоблачит заговор и станет настоящей героиней.

Она мысленно расхохоталась. Айриш бы точно решил, что она спятила. Он бы разразился гневной тирадой, вышел бы из себя, а в заключение пригрозил нашлепать ее за одну только мысль об этом.

И все же искушение было велико. Какой она сделает материал, когда загадка будет решена! Там будет все – и политика, и человеческие характеры, и отношения, и интриги.

Наконец она уснула.

8

Она нервничала больше, чем во время своей первой пробы на маленькой телестудии в Арканзасе восемь лет назад. Тогда она стояла по щиколотку в грязи и помоях, онемевшими влажными пальцами сжимала микрофон и пересохшими губами рассказывала о свиноводах, подвергшихся воздействию некоего паразита. Потом заведующий отделом информации сухо сообщил ей, что паразиты действуют не на фермеров, а на свиней. Тем не менее место репортера ей дали.

Это тоже была своего рода проба. Обнаружит ли Мэнди то, что пока оставалось скрытым для других, – что женщина с лицом Кэрол Ратледж не является ее матерью?

В течение дня, пока взволнованные и говорливые медсестры устраивали ей ванну и помогали одеться, а физиотерапевт проводил с ней гимнастику, ее не покидал навязчивый вопрос: хочет ли она, чтобы правда наконец всплыла?

Она не смогла прийти к определенному ответу. Пока что она не видела большой разницы в том, за кого именно ее принимают окружающие. Изменить судьбу не в ее власти. Главное, что она жива, а Кэрол Ратледж погибла. Итог авиакатастрофы был предначертан кем-то свыше – не ею.

При всех своих ограниченных возможностях она честно приложила все усилия, чтобы привлечь внимание окружающих к роковой ошибке, но ей это не удалось. Теперь ничего изменить она уже не в силах. Пока она не начнет общаться с помощью карандаша и блокнота, она будет для всех Кэрол Ратледж. Эта роль может позволить ей проникнуть в подспудные хитросплетения необычной интриги и тем отплатить Тейту Ратледжу за его доброту. Если он полагает, что свидания с «матерью» пойдут Мэнди на пользу, она готова на время подыграть ему. Сама она считала, что девочке было бы лучше сразу узнать правду о гибели матери, но не в ее силах было рассказать ей об этом. К счастью, лицо Эйвери было уже не столь страшным, чтобы нанести психике ребенка еще большую травму.

Сестра поправила легкий шарфик на голове Эйвери в том месте, где волосы были еще совсем короткие.

– Ну вот. Очень даже неплохо. – Она осталась довольна своей работой. – Еще пара недель – и ваш красавец муж глаз от вас не оторвет. Вы, конечно, знаете, что у нас тут все незамужние сестры поголовно в него влюблены. Да и некоторые из семейных тоже, – добавила она сухо. Она проворно двигалась вокруг кровати, расправляя простыни, а потом стала приводить в порядок букеты в вазах, обрывая увядшие цветки. – Вы ведь не против, правда? – спросила она. – Вы уж, наверное, привыкли, что вокруг него женщины так и вьются. Как давно вы женаты? Кажется, он говорил кому-то из сестер, что четыре года. – Она потрепала Эйвери по плечу. – Доктор Соьер творит чудеса. Дайте только время. Вы будете самой красивой парой в Вашингтоне.

– Вы, кажется, склонны выдавать желаемое за действительное?

При этом голосе сердце Эйвери дрогнуло. Она посмотрела на дверь, ища его глазами. Войдя в палату, он снова обратился к сестре:

– Я тоже не сомневаюсь в мастерстве доктора Соьера. Но откуда у вас такая уверенность, что меня изберут?

– По крайней мере, я буду голосовать за вас.

Он рассмеялся глубоким грудным смехом, уютным, как старое вытертое одеяло.

– Прекрасно. Мне будет нужно много голосов.

– А где малышка?

– Я оставил ее у поста дежурной сестры. Через пару минут я за ней схожу.

Поняв тонкий намек, медсестра улыбнулась и подмигнула Эйвери:

– Желаю удачи.

Как только они остались одни, Тейт придвинулся к Эйвери.

– Привет. Ты хорошо выглядишь. – Он глубоко вздохнул. – Ну вот, она здесь. Не знаю, что из этого выйдет. Только прошу тебя, не огорчайся, если она...

Переведя взгляд ей на грудь, он запнулся. Ночная рубашка Кэрол, при всей ее миниатюрности, была заметно велика Эйвери. При виде его замешательства сердце Эйвери забилося.

– Кэрол? – сказал он хрипло.

Он все понял!

– О господи.

Как ей объяснить ему?

– Как ты похудела, – прошептал он. Он осторожно дотронулся до ее груди. Потом обвел взглядом все ее тело. От его прикосновения у Эйвери прилила к лицу кровь. Из горла вырвался тихий, беспомощный звук. – Я не имел в виду, что ты плохо выглядишь, просто... ты стала другая. Хотя это, наверное, нормально, что ты потеряла несколько фунтов. – Их глаза встретились, и какое-то мгновение они смотрели друг на друга. – Пойду приведу Мэнди.

Эйвери старалась дышать ровно и глубоко, чтобы успокоить разыгравшиеся нервы. До сих пор ей не приходило в голову, что правда будет для них обоих нелегка. Не понимала она и того, как далеко простираются ее чувства к нему. От его прикосновения у нее не только ослабели руки и ноги, но и похолодело все внутри.

Но сейчас ей некогда было копаться в своих переживаниях. Она должна подготовиться к встрече с девочкой. В панике от того, что при виде ее лица ребенок может испугаться, она даже зажмурилась. Она услышала, как они вошли и приблизились к кровати.

– Кэрол?

Эйвери медленно открыла глаза. Тейт держал Мэнди на руках. На ней было белое с синим платье и белый фартучек, на ногах – белые колготки и синие кожаные туфельки. Левая ручка была в гипсе.

Волосы у девочки были темные и шелковистые, очень густые и тяжелые, но короче, чем Эйвери помнила. Словно читая ее мысли, Тейт объяснил:

– Пришлось ее подстричь, потому что волосы были немного опалены.

Сейчас волосы Мэнди едва закрывали ей шею. У нее была прямая челка до бровей. Большие карие глаза ребенка смотрели настороженно, как у газели.

– Покажи маме, что ты ей принесла, – подсказал Тейт.

В правом кулачке девочка сжимала букет маргариток. Она робко протянула их Эйвери. Пальцы Эйвери не слушались, и Тейт взял букет и бережно положил Эйвери на грудь.

– Я пока посажу тебя к маме на кровать, а сам пойду поищу, куда бы нам поставить цветы. – Тейт опустил Мэнди на край койки, но стоило ему повернуться, как она захныкала и схватилась за край его куртки. – Ну хорошо, – сказал он. – Я никуда не уйду.

Он украдкой взглянул на Эйвери и осторожно присел рядом с девочкой на краешек матраса.

– Смотри, что она тебе сегодня нарисовала, – обратился он опять к Эйвери поверх детской головки. Из нагрудного кармана он извлек сложенный лист плотной бумаги и, развернув, поднес ближе к ее лицу. – Скажи, Мэнди, что это такое?

Разноцветные каракули не были похожи ни на что, но Мэнди прошептала:

– Лошадки.

– Это дедушкины лошади, – пояснил Тейт. – Вчера он брал ее кататься, а утром я предложил ей, пока я занят, нарисовать для тебя лошадок.

Приподняв руку, Эйвери сделала ему знак поднести листок поближе. Она какое-то время рассматривала его, после чего Тейт положил рисунок ей на грудь рядом с маргаритками.

– Мне кажется, маме твой рисунок понравился. – Тейт продолжал смотреть на Эйвери все тем же странным взглядом.

Девочке явно было все равно, понравился маме ее рисунок или нет. Она ткнула пальчиком в шинку на носу Эйвери:

– А это что?

– Это шинка. Помнишь, мы с бабушкой тебе рассказывали? – Обращаясь к Эйвери, он сказал: – Я думал, сегодня уже снимут.

Она приподняла ладонь.

– Завтра?

Она кивнула.

– А для чего она? – спросила Мэнди. Эта шинка ее очень заинтересовала.

– Это вроде твоего гипса. Она защищает мамино лицо, пока оно еще не совсем зажило, – как гипс защищает твою ручку, пока косточки внутри не срастутся как следует.

Выслушав объяснения, Мэнди опять повернула серьезные глаза на Эйвери.

– Мамочка плачет.

– Это потому, что она очень рада тебя видеть.

Эйвери кивнула, закрыла глаза и несколько секунд лежала так. Потом снова открыла. Таким образом она хотела передать однозначно утвердительный ответ. Она была рада видеть девочку, которая едва не погибла в огне. Катастрофа, конечно, оставила в ее душе глубокую травму, но Мэнди, по крайней мере, осталась жива и со временем оправится от потрясения. Одновременно Эйвери почувствовала себя страшно виноватой, что она не та, за кого они ее принимают.

Внезапно, повинуясь порыву, на какой бывают способны только маленькие дети, Мэнди выставила вперед ручку, чтобы дотронуться до щеки Эйвери. Тейт перехватил ее руку на лету. Потом, поколебавшись, он плавно отпустил ее.

– Можешь потрогать, только очень осторожно. Не сделай маме больно.

В глазах Мэнди показались слезы.

– Мамочке больно, – нижняя губа ее задрожала, и она подалась к Эйвери.

Смотреть на страдания ребенка было для Эйвери невыносимо. Повинуясь внезапно охватившему ее материнскому чувству, она негнущейся ладонью погладила девочку по головке и медленно притянула ее к груди. Мэнди охотно приникла к ней всем телом. Безмолвно склонившись к девочке, Эйвери гладила ее по голове.

Мэнди почувствовала ее невысказанную теплоту. Она быстро успокоилась, села прямо и кротко сообщила:

– Мамочка, я сегодня не пролила молоко.

Сердце Эйвери растаяло. Ей захотелось обнять малышку и крепко прижать к себе. Ей хотелось сказать ей, что разлитое молоко не имеет никакого значения, потому что они выжили в страшной катастрофе. Но ей оставалось только молча смотреть, как Тейт опять берет ребенка на руки.

– Не будем злоупотреблять гостеприимством хозяйки, – сказал он. – Пошли маме воздушный поцелуй, Мэнди.

Девочка не послушалась. Вместо этого она робко обвила его ручонками за шею и уткнулась лицом в воротник.

– Ничего, как-нибудь в другой раз, – сказал он.

Эйвери извиняющимся тоном. – Я сейчас вернусь.

Через несколько минут он возвратился, но уже один.

– Я опять оставил ее у сестер. Они ее там кормят мороженым.

Он снова присел на край кровати, свесив руки между колен. Не глядя на Эйвери, он принялся рассматривать ногти.

– Ну, раз уж все прошло гладко, я бы, пожалуй, привез ее еще раз ближе к концу недели. По крайней мере, мне показалось, что все было хорошо. А тебе?

Он поднял глаза, ожидая от нее ответа. Она кивнула. Опять уткнувшись в свои руки, он продолжал:

– Не знаю уж, как чувствовала себя Мэнди. Ее вообще трудно сейчас понять. Что-то у нее не ладится, Кэрол. – В его голосе звучало такое отчаяние, что сердце Эйвери разрывалось. – Раньше, когда я брал ее в «Макдоналдс», она ходила колесом. Теперь – никакой реакции. – Уперев локти в колени, он закрыл лицо руками. – Я все перепробовал, чтобы ее расшевелить. Ничто не срабатывает. Я не знаю, что делать.

Подняв руку, Эйвери погладила его по волосам.

Он вздрогнул и дернулся, почти стяхнув ее руку. Она так поспешно убрала ее, что всю руку прошила острая боль. Она застонала.

– Прости, – сказал он, резко поднимаясь. – Ты в порядке? Позвать кого-нибудь?

Она отрицательно мотнула головой, затем поправила сползший набок шарфик. С особой болезненностью она вдруг ощутила свою наготу и незащищенность. Ей не хотелось, чтобы он видел ее такой уродиней.

Убедившись, что боль у нее прошла, он сказал:

– Не беспокойся за Мэнди. Пройдет время, и все будет в порядке. Не надо было мне тебе говорить. Я просто устал. Кампания набирает силу, и... Впрочем, неважно. Это мои заботы, а не твои. Мне надо идти. Я понимаю, что наш визит тебя утомил. Пока, Кэрол.

В этот раз он даже не коснулся ее руки на прощание.

9

– Мы не надоели тебе, Тейт?

Он виновато взглянул на менеджера своей кампании:

– Прости.

Сознавая, что у Эдди есть причины беспокоиться о нем, Тейт прокашлялся, выпрямился в кожаном кресле и перестал бесцельно крутить в руках карандаш.

Этот день они решили провести дома, чтобы обсудить стратегическую линию предвыборной кампании на последние несколько недель, оставшиеся до предварительных выборов.

– На чем ты отключился?

– Где-то между Эль-Пасо и Суитуотером, – отозвался Тейт. – Слушай, Эдди, а ты уверен, что эта поездка по Западному Техасу так уж необходима?

– Абсолютно необходима, – вмешался Джек. – При нынешней цене на сырую нефть люди только и ждут твоей моральной поддержки.

– Врать я никому не стану. Ты знаешь мое отношение к ложным надеждам и пустым обещаниям.

– Мы хорошо понимаем твою позицию, Тейт, – сказал Нельсон. – Но за кризис, в каком оказалась нефтедобыча, частично несет ответственность и сенатор Деккер. Это он поддержал тогда торговое соглашение с арабами. Самое время напомнить об этом нефтяникам, оставшимся без работы.

Тейт отшвырнул карандаш и поднялся. Сунув руки в карманы джинсов, он прошел к окну.

День был великолепный. Весна еще только-только начиналась, но багряник и нарциссы уже расцвели. Постепенно начинали зеленеть пастбища.

– Ты что, не согласен с Нельсоном? – спросил Эдди.

– Полностью согласен, – ответил Тейт, продолжая стоять к ним спиной. – Я знаю, что должен быть там, без усталости цитируя недальновидные суждения Деккера и вселяя оптимизм в отчаявшихся людей. Но я должен быть и здесь.

– С Кэрол.

– Да. И с Мэнди.

– Мне казалось, психолог Мэнди говорила, что время все вылечит и, когда Кэрол вернется домой, девочка быстро поправится, – заметил Джек.

– Да, говорила.

– Значит, твое присутствие или отсутствие никак не могут повлиять на Мэнди. И для Кэрол ты ничего сделать сейчас не можешь.

– Если не считать, что я могу быть с ней рядом, – нетерпеливо проговорил Тейт. Вынужденный защищаться, он повернулся к ним лицом.

– Для чего? Чтобы просто стоять там и смотреть в эти большие распухшие глаза? – воскликнул Джек. – Господи, у меня от них прямо мурашки на коже.

От бестактной реплики брата лицо Тейта сделалось жестким.

– Помолчи, Джек, – оборвал Нельсон.

Тейт холодно сказал:

– Просто стоять и смотреть – пока это все, что я могу для нее сделать, Джек, но делать это – моя обязанность. Разве я не объяснил тебе этого раньше?

Эдди со страдальческим вздохом опустил в кресло.

– Мне казалось, мы все пришли к выводу, что в этой частной клинике Кэрол удобней, чем было бы дома.

– Да.

– За ней там ухаживают как за королевой – намного лучше, чем в госпитале, – заметил Джек. – Она с каждым днем выглядит все лучше. Насчет ее глаз я просто пошутил. Как только краснота спадет, да еще волосы отрастут, она будет выглядеть потрясающе. Не понимаю, в чем проблема?

– Проблема в том, что она еще не оправилась после психической травмы и физического увечья, – ответил Тейт раздраженно.

– С этим никто не спорит, – сказал Нельсон. – Но ты не должен упустить свой шанс, Тейт. Ты так же несешь ответственность за свою предвыборную кампанию, как и за свою жену.

– Вы думаете, я этого не понимаю? – обратился он сразу к троице.

– Ты это понимаешь, – сказал Эдди. – И Кэрол это прекрасно понимает.

– Возможно. Но без меня дела у нее идут хуже. Доктор Сойер говорил мне, что она просто впадает в депрессию.

– Откуда ему знать, в депрессии она или готова плясать от радости? Она ведь еще ни слова...

– Джек! – В голосе Нельсона зазвучали нотки, к которым он нередко прибегал в годы военной службы, когда ему требовалось умерить амбиции чересчур заносчивых летчиков. Обычно в таких случаях они моментально превращались в кающихся грешников. Отставной полковник ВВС до мозга костей, он строго взглянул на старшего сына. Когда дети были маленькими, он редко прибегал к физическому наказанию, оставляя его лишь на случай крайней необходимости. Как правило, дело обходилось одним-единственным уничтожающим взглядом и резким окриком, и дети становились как шелковые. – Попытайся, пожалуйста, войти в положение брата.

Слова отца умили пыл Джека, и он сел в явном раздражении.

– Кэрол первая сказала бы тебе, что надо ехать, – сказал Нельсон Тейту, понизив голос. – Я бы не говорил, если бы не был в том уверен.

– Я согласен с Нельсоном, – вставил Эдди.

– А я согласен с вами обоими. Если бы не авария, она бы уже давно складывала чемодан, чтобы ехать вместе со мной. – Тейт потер затылок, пытаясь снять напряжение и усталость. – Но сейчас, когда я говорю ей, что должен ехать, я вижу в ее глазах панический страх. Этот взгляд не дает мне покоя. Она все еще так ранима. Я чувствую себя виноватым. Прежде чем уезжать на такой большой срок, я должен выяснить для себя, как она перенесет мое отсутствие.

Он молча обвел их взглядом. На всех трех лицах он прочел молчаливый протест. Каждый остался при своем мнении.

Он выдохнул:

– Черт. Пойду пройдуся.

Он вышел из дома. Через пять минут он уже скакал верхом через ближайшее пастбище, огибая стада лениво пасущихся гибридных коров. Никакой цели у него не было, ему просто были нужны уединение и покой, какой дает природа.

Все эти дни он почти ни на минуту не оставался один, но за всю жизнь никогда еще не чувствовал себя так одиноко. Отец, Джек и Эдди были вольны давать ему советы касательно политики, но в личных делах принимать решения мог только он сам.

Он никак не мог забыть, как Кэрол коснулась его головы. Что это означало?

С того дня прошло уже две недели. Он сто раз разобрал тот эпизод по косточкам, и все же неясность оставалась. Из-за его резкой реакции вся сцена длилась не более доли секунды – ровно столько, сколько понадобилось ей, чтобы погладить его по виску. Но он считал, что более интимной минуты между ними не было за все годы их знакомства. Это ощущение было сильнее первого поцелуя, первой близости... и последней близости.

Возле полноводного ручья, бегущего с известковых скал, он опустил поводья и спешился. На камнях росли дубы, хвойные и мескитовые деревья. Дул сильный северный ветер. У Тейта

раскраснелись щеки и заслезились глаза. Он вышел без куртки, правда, солнце было достаточно теплым.

Прикосновение Кэрол сильно взволновало его, потому что это было так на нее не похоже. Она знала, как обращаться с мужчиной. До сих пор, несмотря на все, что между ними случилось, воспоминание о первых днях их влюбленности приводило его в возбуждение. Когда Кэрол хотела, она очень искусно действовала руками. Она умела выразить ими все, что у нее на уме, – подразнить, искусить, заинтриговать или быть откровенной.

Последнее прикосновение было совсем иного рода. И он почувствовал разницу. Это был жест сочувствия и понимания. Это было не заученное движение, оно шло от чистого сердца, а не от трезвого расчета. То был жест самоотречения.

Как это не похоже на Кэрол.

Он повернулся на звук приближающейся лошади. Почти так же проворно, как до него Тейт, на землю прыгнул Нельсон.

– Я тоже решил подышать, – сказал он. – Уж больно погода хороша. – Задрал голову, он посмотрел на лазурно-голубое небо.

– Не болтай. Ты примчался на помощь.

Нельсон хохотнул и кивком предложил присесть на валун.

– Зи видела, как ты уехал. Она посоветовала устроить перерыв в работе и принесла ребятам перекусить, а меня послала за тобой. Ей показалось, ты чем-то расстроен.

– Да.

– Ну-ну, парень, возьми себя в руки, – приказал Нельсон.

– Не так это просто.

– Мы все с самого начала понимали, что предвыборная гонка потребует много сил. Ты ожидал чего-то другого?

– Дело не в кампании. К ней я готов, – сказал он, решительно выставив вперед подбородок.

– Тогда, значит, в болезни Кэрол? Что ж, и тут было ясно, что не все пойдет гладко.

Повернув голову, Тейт резко спросил:

– Ты не заметил, как она изменилась?

– Врач говорил тебе, что какие-то изменения возможны, но они едва заметны.

– Я говорю не о внешности. Я говорю о том, как она реагирует на некоторые вещи.

– Нет, я ничего такого не заметил. Что, например?

Тейт привел несколько случаев, когда в глазах Кэрол отражались неуверенность, беззащитность, страх.

Нельсон слушал внимательно, потом, после долгого раздумья, ответил:

– Я бы сказал, что ее тревожное состояние вполне естественно, разве не так? Ее лицо было изуродовано до неузнаваемости. От этого любая женщина запаникует, что уж говорить о такой, как Кэрол, – для нее лишиться красоты вполне достаточная причина для душевного волнения.

– Наверное, ты прав, – пробормотал Тейт, – но я бы скорее ожидал от нее сначала злости и только потом страха. Я не могу этого объяснить. Я просто это чувствую. – Он припомнил первое посещение Мэнди, потом добавил: – Я еще трижды привозил ее, и всякий раз Кэрол плакала и прижимала Мэнди к себе.

– Она просто не может забыть, что чуть не потеряла дочь.

– Это нечто большее, отец. Один раз, когда мы вышли из лифта, то увидели, что она выехала нам навстречу в каталке. У нее еще не были вставлены зубы, и голова была замотана шарфиком, и нога в гипсе. – Он недоуменно покачал головой. – Она выглядела черт знает как, но набралась смелости выехать к нам. Как, по-твоему, способна Кэрол на такое?

– Ей не терпелось вас увидеть и похвалиться, что она уже может вставать с постели.

Тейт на мгновение задумался, все же это объяснение показалось ему неубедительным. Когда это Кэрол делала над собой усилие, чтобы доставить кому-то удовольствие? Он был готов поклясться, что, хотя она еще не могла улыбаться, при виде его и Мэнди она внутренне засияла.

– Думаешь, это просто игра?

– Нет, – с сомнением ответил Нельсон. – Но, по-моему, это...

– Временно.

– Да, – сказал тот ровным голосом. – Я привык смотреть фактам в лицо, Тейт. Ты сам знаешь. Я не собираюсь вмешиваться в твою личную жизнь. Мы с Зи рады, что и ты, и Джек со своими семьями живете у нас, и мы хотим, чтобы так все и оставалось. Поэтому мы договорились никогда не встречать в ваши дела. Если бы спросили меня, я бы заставил Дороти-Рей лечиться, а уж Фэнси получила бы у меня столько шлепков по заднице, сколько она заслужила. – Он помолчал. – Может быть, мне надо было высказаться раньше, но я все надеялся, что ты сам справишься со своими семейными делами. Я знаю, что вы с Кэрол в последние два года как будто отдалились друг от друга. – Он замахал руками. – Не надо говорить мне почему. Мне это знать необязательно. Я просто это почувствовал, понимаешь? Черт, в каждом браке бывают тяжелые моменты. Мы с Зи от души надеемся, что вы с Кэрол сумеете сгладить все шероховатости, родите еще ребенка, поедете в Вашингтон и проживете до старости лет в согласии. Может быть, то, что случилось с ней, как раз и поможет вам сблизиться снова. Однако, – продолжал он, – не жди, что Кэрол вмиг изменится. Боюсь, что тебе теперь понадобится еще больше терпения, чем раньше.

Тейт слушал отца внимательно, стараясь не упустить и того, что осталось между строк.

– Ты хочешь сказать, что я выискиваю в ее поведении то, чего нет?

– И такое возможно, – сказал тот с нажимом. – Обычно, когда человек был на волосок от смерти, он становится сентиментальным. Я знал летчиков, которые угробили свою машину, а сами уцелели. Типичная история. Человек начинает думать обо всем, чего он чуть не лишился, чувствует вину перед близкими за то, что мало уделял им внимания, обещает исправиться, изменить свое отношение к жизни, стать лучше – и все в том же духе. – Он положил руку Тейту на колено. – Я думаю, именно это и происходит с Кэрол. Я не хотел бы, чтобы ты стал надеяться, будто этот несчастный случай излечит ее от всех ее недостатков и она станет образцовой женой и матерью. Доктор Сойер обещал исправить некоторые изъяны ее лица, но не души, – добавил он с улыбкой.

– Наверное, ты прав, – сказал Тейт. – То есть умом я понимаю, что ты прав. Возможно, я именно это и делаю – выискиваю то, чего нет.

Опершись на плечо Тейта, Нельсон поднялся:

– Ни в чем себя не вини. Время и терпение сделают свое дело. Все, ради чего стоит жить, требует терпения, сколько бы это ни длилось – пусть даже всю жизнь.

Они отвязали лошадей и поехали к дому. На обратном пути они почти не разговаривали. Подъезжая к конюшне, Тейт подался вперед и обратился к отцу:

– А насчет поездки по Западному Техасу...

– Да-да? – перебросив правую ногу через коня, Нельсон соскочил на землю.

– Я решил пойти на компромисс. Поеду на неделю. На более долгий срок я не могу ее бросить одну.

Нельсон легонько шлепнул Тейта по ноге вожжами, потом передал их ему.

– Я знал, что ты примешь правильное решение. Пойду скажу Эдди и Джеку. – Он поспешил в дом.

– Отец!

Нельсон остановился и обернулся.

– Спасибо тебе, – сказал Тейт.

Нельсон махнул рукой:

– Займись лошадьми.

Тейт шагом направил коня к конюшне, ведя под уздцы лошадь отца. Соскочив, он принялся чистить коней, чему был обучен с раннего детства.

Но не прошло и нескольких минут, как он опустил руки и уставился перед собой.

В тот вечер ему так нужны были ее нежность и сострадание. Ему хотелось верить, что это был искренний порыв. Ради их семьи, ради Мэнди он молил, чтобы перемены в Кэрол были не временными.

Об этом можно будет судить только позднее, отец прав. Думать сейчас, что Кэрол изменилась, – это выдавать желаемое за действительное. Всем своим прошлым поведением она доказала, что она неверная и ненадежная жена. Он не имеет права доверять ей, иначе все, и прежде всего он сам, будут считать его болваном.

– Будь оно все проклято!

10

– После этого отправим его на юго-восток выступить перед студентами Техасского технологического института. – Пока Джек расписывал невестке план предстоящей поездки Тейта, ему пришла в голову свежая мысль. – Слушай-ка, Тейт, в том районе полно фермеров, выращивающих хлопок. Почему бы Эдди не организовать для тебя встречу с каким-нибудь кооперативом или еще что-нибудь в этом духе?

– Если он этого еще не сделал, то наверняка сделает. Я, во всяком случае, готов.

– Я ему скажу.

Эйвери с кровати наблюдала за братьями. Сходство было достаточно явным, чтобы отнести их к кровной родне, но в то же время они были и очень непохожи.

Джек на три с лишним года старше. Волосы у него темнее и на макушке уже начали редеть. Не то чтобы у него намечалось брюшко, но Тейт явно в лучшей форме.

Из них двоих Тейт был намного красивее. Ничего отталкивающего в лице Джека, впрочем, заметить было нельзя, но оно было исключительно заурядным. И очевидно, огрубело с возрастом. Тейту это не грозило.

– Извини, что мы увозим его от тебя так надолго. – От нее не укрылось, что Джек всегда говорит с ней, не глядя в лицо. Он как бы обращается к какой-то другой части тела – груди, руке, гипсовой повязке на ноге. – Мы бы не стали этого делать, если бы это не было так важно для выборов.

Зажав в пальцах толстый карандаш, она нацарапала в блокноте: «О'кей». Джек вытянул голову, прочитал слово, вяло улыбнулся и вежливо кивнул. Между Джеком и Кэрол явно существовали какие-то тайные и неприятные отношения. «Интересно, в чем тут дело?» – подумала Эйвери.

– Тейт говорит, у тебя сегодня получилось произнести несколько слов, – сказал он. – Когда ты опять научишься говорить, вот уж мы все тебя послушаем.

Эйвери знала, что Тейту придется не по вкусу то, о чем она должна ему сказать. Он захочет знать, почему она ни разу не написала в блокноте своего настоящего имени и продолжала держать его в тайне даже после того, как обрела достаточную координацию, чтобы общаться с помощью карандаша и бумаги.

Она и сама хотела бы это знать.

От волнения на глаза у нее навернулись слезы. Джек немедленно поднялся и направился к двери.

– Что ж, уже поздно, а мне еще ехать. Счастливо, Кэрол. Тейт, ты идешь?

– Пока нет, но я провожу тебя до холла. – Пообещав вернуться через несколько минут, он вышел из палаты вслед за братом.

– Мне кажется, разговоры о твоей поездке ее расстроили, – заметил Джек.

– В последние дни она стала особенно чувствительна.

– Казалось бы, должна радоваться, что начинает опять говорить, разве не так?

– Наверное, когда пытаешься говорить и чувствуешь, что не получается, радости мало. – Тейт подошел к темной стеклянной двери и открыл ее.

– Гм, Тейт, тебе ничто не показалось странным в том, как она пишет?

– Странным?

Он посторонился, давая пройти двум медсестрам, за которыми следовал мужчина с букетом оранжевых хризантем. Джек уже сделал шаг на крыльцо, но придержал за собой дверь.

– Кэрол ведь, по-моему, правша?

– Да.

– Тогда почему она пишет левой рукой? – Джек передернул плечами. – Мне просто показалось это немного странным. – Он опустил руку, и дверь стала плавно закрываться. – Пока, Тейт.

– Езжай осторожно.

Тейт стоял, глядя вслед брату, пока к нему не подошла медсестра, вопросительно заглядывая в лицо. Повернувшись, он медленно двинулся назад в палату.

Пока Тейта не было в комнате, Эйвери размышляла о том, как он примерно неделю назад изменился. Она почувствовала разницу в его отношении к себе. Он по-прежнему регулярно ее навещал, но уже далеко не каждый день. Поначалу она отнесла это на счет набиравшей силу избирательной кампании.

Как и прежде, он всякий раз приносил ей цветы и свежие журналы. Теперь, когда она могла есть твердую пищу, он привозил ей разные лакомства, чтобы разнообразить пускай превосходную, но все же однообразную больничную еду. Он заказал ей в палату видеомэгафон и принес для развлечения несколько кассет с фильмами. Но он все чаще замыкался в себе и мрачнел и все более осторожно выбирал слова. И он больше у нее не засиживался.

По мере того как лицо Кэрол обретало свой нормальный вид, Тейт все больше отдалялся.

Он перестал приводить к ней Мэнди. Она как-то нацарапала печатными буквами в блокноте имя Мэнди и поставила вопросительный знак, но он лишь дернул плечами.

– Мне показалось, эти визиты приносят ей больше вреда, чем пользы. Когда выпишешься домой, у тебя будет масса времени для общения с ней.

Эти резкие слова глубоко ранили ее. В ее однообразном существовании встречи с Мэнди стали важными событиями. С другой стороны, может быть, и к лучшему, что он их прекратил. Она начинала все сильнее привязываться к девочке и всеми силами хотела помочь ей преодолеть кризис. А поскольку у нее все равно не будет такой возможности, то лучше разом оборвать все эмоциональные нити, которые стали их связывать.

Ее отношение к Тейту носило более сложный характер. С этим будет не так просто, когда из его жизни она вернется обратно в свою.

Что ж, во всяком случае, она вернется не с пустыми руками – у нее будет набросок материала, показывающего изнутри увлекательные подробности жизни кандидата на пост сенатора США, которого кто-то хочет убить.

Эйвери одолевало профессиональное любопытство. Что было не так в семейной жизни Ратледжей? Почему Кэрол хотела смерти мужа? Прежде чем сделать окончательный вывод, она должна перебрать все варианты. И когда она поведает миру правду, то ее репутация честного журналиста будет восстановлена. Все же при мысли о том, чтобы растрезвонить всему свету о закулисных подробностях жизни Тейта Ратледжа, у нее во рту появлялся неприятный привкус.

Сейчас проблемы Тейта Ратледжа были в равной степени и ее проблемами. Она никого об этом не просила, ей их навязали. Но игнорировать их она не могла. По причине, которой она не находила объяснения, она чувствовала себя обязанной искупить вину Кэрол перед Тейтом.

В тот единственный раз, когда она, охваченная состраданием, прикоснулась к нему, он откровенно отверг ее, но Эйвери понимала, что отчуждение между Тейтом и Кэрол выходит далеко за рамки обычной семейной ссоры. Это была настоящая пропасть. Он обращался с ней, как с диким зверем, посаженным в клетку. Он выполнял все ее желания, но не забывал соблюдать дистанцию. Он ей не доверял.

Насколько Эйвери успела узнать, это недоверие имело под собой весьма серьезное основание. Кэрол и еще кто-то задумали убить Тейта. И больше всего ее теперь мучили вопросы: как и почему?

Вернулся Тейт, и она на время забыла о своих тревогах. Однако, когда он приблизился к ее инвалидному креслу, улыбка сползла с ее лица. Он был угрюм.

– Почему ты пишешь левой рукой?

Эйвери похолодела. Вот он, момент истины. Она-то надеялась, что выберет его сама, но жизнь, как всегда, вносит свои коррективы. Как глупо с ее стороны допустить такой промах! Ведь даже идиоту ясно, что Кэрол, скорее всего, была права.

Она с мольбой взглянула на него и попыталась произнести его имя.

«Господи, помоги мне», – молила она, сжимая в левой руке карандаш. Как только она назовет ему свое настоящее имя, она должна будет предупредить его о грозящей ему опасности. Единственное, что она знала о сроках готовящегося покушения, – что оно должно быть осуществлено до того, как он станет сенатором. Это значит, оно может случиться завтра и даже сегодня. А может не произойти и до ноября. Главное, предупредить его она должна немедленно.

Кого из членов семьи она может подозревать? Она не могла открыться ему сразу после того, как научилась держать в руке карандаш, потому что у нее не было достаточно фактов. Она самонадеянно ждала, что вот-вот получит новые доказательства.

Поверит ли он ей, когда она изложит ему то, что знает?

Почему, собственно, он должен ей верить?

Да станет ли он вообще слушать женщину, которая почти два месяца выдавала себя за его жену? В его глазах она будет просто бессовестной авантюристкой, и это будет весьма близко к правде, если отбросить ее искреннее беспокойство о благополучии его и Мэнди.

Она начала неуверенными пальцами водить карандашом по бумаге. Написала букву «б». Рука так дрожала, что она уронила карандаш. Он скатился по ее бедру и застрял где-то сбоку в щели кресла.

Тейт стал его доставать, сильными пальцами касаясь ее бедра. Он вложил карандаш ей в руку и нацелил его на страницу блокнота.

– Что – «б»?

Она подняла на него жалобный взгляд, умоляя о прощении. После этого она дописала слово и повернула блокнот так, чтобы он мог прочитать.

– «Больно», – прочел он вслух. – Тебе больно писать правой рукой?

Эйвери виновато закивала.

– Очень больно, – прохрипела она и подняла правую руку, где кожа была еще слишком чувствительна.

Она твердила себе, что это ложь во спасение. Нельзя говорить ему правду, пока она не в состоянии объяснить всех подробностей. Каракули на бумаге, несколько ключевых слов – от этого он только придет в ярость и беспокойство. А в таком состоянии он ни в коем случае не поверит ей, что его собираются убить.

Он тихо рассмеялся.

– Ты посрамила Джека. Удивляюсь, как я сам этого не заметил. Наверное, у меня в голове слишком много всего, чтобы обращать внимание на эти мелочи. – Сомкнув руки на поясице, он с наслаждением потянулся. – Ну что ж, мне тоже пора ехать. Уже поздно, а дорога неблизкая. Насколько я понимаю, завтра тебе снимут гипс. Отлично. Ты сможешь двигаться.

Глаза Эйвери заволочло слезами. Этот человек, при всей его доброте, возненавидит ее, стоит ей открыть ему правду. За время ее болезни он невольно стал для нее центром бытия. Понимал он это или нет, но он был ее единственной опорой.

Теперь она должна отплатить ему за его доброту и сообщить три ужасные вещи: его жена погибла; ее место занимает тележурналистка, посвященная теперь во все подробности его частной жизни; и существует кто-то, кто собирается его убить.

Ее слезы вызвали у него не столько жалость, сколько раздражение. Он в нетерпении отвел глаза и вдруг заметил пачку газет на подоконнике. Их принесли сюда по ее просьбе. Это все были старые номера с отчетами об авиакатастрофе. Тейт показал на них рукой.

– Не понимаю, о чем ты плачешь, Кэрол, – сорвался он. – Ты прекрасно выглядишь. Господи, ты ведь могла вообще не выжить. И Мэнди тоже. Как ты не можешь понять, что тебе чертовски повезло? – Он сделал глубокий вдох и усилием воли взял себя в руки. – Прости. Я не хотел тебя обидеть. Я понимаю, сколько тебе пришлось пережить. Но все могло быть гораздо хуже. Для тебя и всех нас. – Он натянул куртку. – Пока.

С этим он и ушел.

Эйвери долго смотрела ему вслед. Вошла сестра и стала готовить ее ко сну. Она поднялась с кресла и пошла на костылях, но это пока удавалось ей с трудом. Ей было больно опираться на костыли руками. К тому времени, как она улеглась и сестра вышла, она совершенно выбилась из сил.

Не меньше физической была и моральная усталость, но уснуть Эйвери не могла. Она пыталась представить себе, каким станет лицо Тейта, когда он узнает правду. Это будет для него суровое испытание, причем как раз в то время, когда он наиболее уязвим.

Когда в ее сознании мелькнуло это слово – «уязвим», ее внезапно пронзила другая мысль. Как только она назовет себя, она станет не менее уязвимой. Она тоже станет мишенью для того, кто готовит покушение на Тейта Ратледжа!

Как это ей раньше не пришло в голову? Когда выяснится, что под именем Кэрол Ратледж все это время скрывалась тележурналистка Эйвери Дэниелз, злоумышленник поймет, что допустил роковую ошибку, и будет вынужден что-то предпринять. Она станет такой же потенциальной жертвой, как и Тейт. Судя по холодной решимости, которую она слышала в его голосе, он не станет колебаться.

Она села на постели и стала вглядываться в тени, блуждающие по комнате, словно ожидая, что безвестный и безымянный враг прямо сейчас накинется на нее. В ушах гулко отдавались удары сердца.

Господи, что ей делать? Как защитить себя? Как защитить Тейта? Если бы она и вправду была Кэрол, она бы...

Не успев сформулировать мысль, она стала искать возражения. Это невозможно. Тейт разоблачит ее. И злоумышленник тоже.

Но если она продержится в этой роли до тех пор, пока не узнает, кто этот тайный его враг, она сможет спасти ему жизнь.

И все же начать жить жизнью другой женщины казалось немислимым. А как же ее собственная жизнь? Формально Эйвери Дэниелз больше нет. Никто ее не хватится. У нее не осталось ни мужа, ни детей, ни родных. Карьера и без того рухнула. Одной только ошибки, одного неверного вывода хватило, чтобы в глазах всех она стала неудачницей. Она не только не сумела стать достойной своего отца, она даже его безупречной репутации умудрилась навредить. Работать на студии «Кей-Текс» в Сан-Антонио было равносильно приговору к годам тяжелого труда. Хотя у студии была достаточно приличная репутация, а сама она была по гроб благодарна Айришу за то, что он предоставил ей хоть какое-то место, в то время как никто не желал даже давать ей интервью, все равно работа здесь была равносильна сибирской ссылке. Она оказалась изолированной от репортерских кругов, с которыми действительно считались в обществе. После работы на кабельном телевидении и корреспондентом в Вашингтоне студия «Кей-Текс», конечно, была падением.

Но как раз сейчас ей в руки идет сенсация. Если она станет миссис Тейт Ратледж, она сможет проследить и описать предвыборную кампанию и покушение изнутри. Она будет не просто автором материала, она будет его участницей.

Что могло бы быть лучше для возвращения в высший эшелон журналистской иерархии? Кто из журналистов мог похвастать такой уникальной возможностью? Она могла бы назвать десятки коллег, кто отдал бы за это правую руку.

Она кисло улыбнулась. Ей не понадобилось жертвовать правой рукой, но она уже пожертвовала своим лицом, именем и индивидуальностью. Спасти человеку жизнь и получить гигантский толчок в карьере будет вполне адекватной компенсацией за такую несправедливость. И когда наконец всплывет правда, никто не сможет ее в чем-то упрекнуть. Она не искала этой возможности, ей ее навязали. И Тейта она тоже не собирается эксплуатировать. Выше своей карьеры она ставила возможность оградить его от грозящей опасности, спасти его жизнь, которая стала ей так дорога.

Конечно, риск будет огромен, но журналисты всегда рискуют головой в погоне за материалом. Ее отец каждодневно рисковал жизнью. Его мужество было отмечено Пулицеровской премией. Если он во имя своих репортажей был готов отдать жизнь, то почему она должна требовать от себя меньшего?

Однако она понимала, что такое решение надо принимать по зрелом размышлении. Ей следует подойти к этому вопросу прагматически, а не эмоционально. Она возьмет на себя роль жены Тейта, а следовательно, окажется в кругу ее знакомств и интересов. Она станет жить с его родными, под непрерывным оком людей, которые близко знают Кэрл.

Огромность этого риска пугала, но тем труднее было устоять перед искушением. Последствия могут быть самыми неожиданными, но и награда – соответствующей.

Она будет допускать тысячи оплошностей – вроде этой левой руки. Но она всегда отличалась находчивостью. Она сумеет объяснить свои ошибки.

А вдруг сработает? Сможет ли она справиться? И хватит ли у нее духа?

Она откинула одеяло, оперлась на костыли и пошла в ванную. В ослепительном свете люминесцентной лампы она принялась разглядывать отражение, глядящее на нее из зеркала, и сравнивать его с фотографией Кэрл, которая висела на стене – видимо, для поднятия духа.

Кожа была как новая, розовая и гладкая, как детская попка, – в точности как обещал доктор Сойер. Растянув рот, она стала изучать вставные зубы, которые были сделаны по образу и подобию зубов Кэрл Ратледж. Провела рукой по коротким темным волосам. Шрамы были совсем незаметны, если только не смотреть вплотную. Со временем не останется никаких следов.

Она не позволила себе горевать, хотя чувствовала тоску по своему прежнему облику. Теперь ее судьба – вот это зеркальное отражение. Ей сделали новое лицо. Оно станет для нее пропуском в новую жизнь.

С завтрашнего дня она станет Кэрл Ратледж.

Эйвери Дэниелз больше нечего было терять.

11

Сестра окинула ее беглым взглядом и явно осталась довольна.

– У вас прекрасные волосы, миссис Ратледж.

– Спасибо, – горько улыбнулась Эйвери. – Только что от них осталось!

За те семь дней, что Тейт был в отъезде, у нее полностью восстановился голос. Тейт мог появиться в любую минуту, и она немного нервничала.

– Нет, я именно имела в виду их длину, – сказала сестра. – Мало кому идет такая короткая стрижка. Вы выглядите просто потрясающе.

Эйвери взглянула в зеркальце, потрогала колючую челку на лбу и с сомнением произнесла:

– Будем надеяться.

Она сидела в кресле. Больная нога была водружена на табурет. Рядом с креслом стояла трость. Руки спокойно лежали на коленях.

После недельного отсутствия Тейта медсестры волновались перед его предстоящим визитом не меньше ее. Они хлопотали над ней, как над невестой в день свадьбы.

– Он здесь, – многозначительным шепотом объявила одна из них, заглянув в дверь.

Та, что была рядом с Эйвери, сжала ей плечо:

– Вы прекрасно выглядите. Он просто в обморок упадет.

Он, конечно, не упал, но был удивлен. Она заметила, как распахнулись его глаза, когда он увидел ее сидящей в кресле в уличном костюме – костюме Кэрол, который ей за несколько дней до этого привезла Зи.

– Привет, Тейт.

При звуке ее голоса он удивился еще больше.

Сердце ее подпрыгнуло. Он догадался!

Неужели она опять допустила промах? Может быть, Кэрол обращалась к нему по-другому? Может, было какое-то ласкательное имя, которое могла знать только она? Она задержала дыхание и приготовилась к тому, что он ткнет в нее пальцем и крикнет: «Лживая самозванка!»

Вместо того он неловко покашлял и поздоровался в ответ:

– Привет, Кэрол.

Она стала потихоньку выдыхать через ноздри долго удерживаемый воздух, боясь показать свое облегчение. Он прошел в комнату и с отсутствующим видом положил букет и сверток на тумбочку.

– Ты выглядишь потрясающе.

– Спасибо.

– И ты уже, оказывается, можешь говорить, – добавил он с неловким смешком.

– Да. Наконец-то.

– Голос у тебя стал какой-то другой.

– Но нас ведь предупреждали, что такое может случиться, помнишь? – быстро ответила она.

– Да, только я не ожидал, что... – Он провел ладонью себе поперек шеи. – Эта охрипелость...

– Со временем, наверное, пройдет.

– Мне она даже нравится.

Он не мог глаз от нее отвести. Если бы их отношения были такими, какими они должны были быть, он, наверное, стоял бы сейчас перед ней на коленях, ощупывая кончиками пальцев ее новое лицо, как делают слепые, восхищаясь гладкой кожей и говорил о любви. К ее разочарованию, он продолжал держать почтительную дистанцию.

Как обычно, он был в джинсах. Они были отутюжены, но ткань была достаточно поношенная, чтобы мягко облегать его тело. Эйвери не хотела оказаться во власти женского любопытства, поэтому старательно смотрела выше пояса.

Эта часть его тела тоже была весьма привлекательна. Она смотрела на него не отрываясь. Потом нервным движением поднесла руку к груди.

– Ты так смотришь... – нарочно сказала она.

Он на мгновение опустил голову, но тут же снова поднял.

– Прости. Наверное, я правда не ожидал, что ты будешь выглядеть как раньше. Но это... это так и есть. Вот только волосы...

Она обрадовалась, что ее военная хитрость сработала.

– Тебе не холодно?

– Что? Холодно? А, нет. – Она отчаянно искала что-нибудь, что могло бы его отвлечь. – А это что такое? – Она кивнула на сверток, который он принес.

– Это твои драгоценности.

– Драгоценности? – Мыльный пузырь радостного возбуждения лопнул. Она судорожно сглотнула.

– Украшения, которые были на тебе в день катастрофы. Сегодня мне в офис позвонили из госпиталя и напомнили про них. Я заскочил туда по дороге. Все время забывал. – Он протянул ей конверт.

Эйвери посмотрела на него так, будто в конверте притаилась ядовитая змея и даже трогать его опасно. Однако, не найдя подходящего предлога отказаться, она взяла конверт в руки.

– Я не успел проверить содержимое, – продолжал он, – но, может быть, ты сама сейчас посмотришь?

Она положила сверток на колени.

– Потом.

– Я подумал, ты захочешь получить свои вещи назад.

– Да, конечно. Только сейчас не самое подходящее время надевать украшения. – Она сложила пальцы в кулак и потом разогнула их. – Пальцы уже гнутся, но еще побаливают. Боюсь, что мне сейчас кольцо не надеть.

– Особенно обручальное, не так ли?

Резкость его слов ошеломила. Она заметила, что он тоже не носит обручального кольца, и хотела было указать ему на это, но прикусила губу. Если Кэрл по какой-то неблагоприятной причине не носила обручальное кольцо, тем более ей лучше обойти этот момент. По крайней мере, пока.

Тейт присел на край постели. Напряженное молчание стало затягиваться. Эйвери первой нарушила его:

– Поездка прошла удачно?

– Да, все было отлично. Но я устал как черт.

– Я почти каждый вечер видела тебя по телевизору. Аудитория, кажется, была в восторге.

– Да, мы все довольны приемом.

– Политобозреватели в один голос предсказывают тебе легкую победу на предварительных выборах.

– Я тоже надеюсь.

Снова воцарилось молчание. Оба прилагали усилия, чтобы не смотреть на собеседника в упор.

– А как Мэнди?

Он пожал плечами.

– Все в порядке. (Эйвери с сомнением нахмурилась.) Ну хорошо, будем говорить, не совсем в порядке. – Он встал и принялся мерить комнату шагами. – Мама говорит, девочку

мучают ночные кошмары. Она почти каждую ночь просыпается с криком, иногда даже и днем. Ходит по дому как маленькое привидение. – Он вытянул вперед руки, как будто пытаюсь что-то достать, потом сомкнул их в кольцо. – Она как будто не в себе, понимаешь? Будто заперлась и никого не подпускает – ни меня, ни психолога.

– Я просила Зи привести ее сюда. Она говорит, ты не велел.

– Это правда.

– Но почему?

– Я подумал, не стоит ей приходить сюда без меня.

Она решила не настаивать. Он все равно найдет, что ей возразить.

– Я скучаю без нее. Ну, ничего, скоро я буду дома, тогда ей станет лучше.

Он не скрывал своего сомнения:

– Вероятно.

– Она никогда ко мне не просится?

– Нет.

Эйвери опустила глаза:

– Ясно.

– Слушай, Кэрл, чего ты ожидала? Что посеешь, то и пожнешь.

На мгновение их взгляды скрестились, затем она закрыла лицо рукой. На глаза навернулись слезы. Она плакала о ребенке, который недополучил материнской любви. Бедняжка Мэнди. Эйвери знала, что значит не получать от родителей должного внимания. Поэтому она и притворилась ее матерью, вместо того чтобы сразу сказать ребенку, что ее мамы больше нет.

– О, черт, – проворчал Тейт. Он пересек комнату и, легко положив руку ей на голову, мягко провел по волосам. – Извини. Я не хотел тебя расстроить. Мэнди поправится, обязательно поправится. – Подумав, он добавил: – Пожалуй, я пойду.

– Нет! – Она вскинула голову. В глазах все еще стояли слезы. – Не уходи.

– Но мне пора.

– Пожалуйста, останься еще немного.

– Я очень устал с дороги. Из меня сейчас плохой собеседник.

– Неважно.

Он покачал головой.

Героическим усилием она скрыла свое огромное разочарование:

– Тогда я тебя провожу.

Она взяла трость и, опираясь на нее, встала. Но вспотевшая от волнения рука соскользнула, и она потеряла равновесие.

– Господи, осторожнее!

Тейт обхватил ее рукой. Конверт упал у нее с колен, но никто не придал этому значения. Его рука обнимала ее за спину, а пальцы лежали на ребрах прямо под грудью.

Пока они шли к кровати, Эйвери держалась за него, вцепившись пальцами в куртку. Она втягивала в себя его запах – свежий запах улицы, душистый, но насквозь мужской, с привкусом лимона. В нее вливалась его сила, и она с жадностью пила ее, как эликсир жизни.

И тогда она призналась себе в том, в чем боялась признаться все дни, пока он был в отъезде. Ей хотелось остаться миссис Ратледж, чтобы быть рядом с Тейтом. Когда его не было, она была по-настоящему несчастна, зато при его появлении обрадовалась как девчонка.

Он аккуратно подвел ее к кровати и осторожно дотронулся до бедра больной ноги.

– Это был множественный перелом. Кость еще не так окрепла, как ты думаешь.

– Да, наверное.

– Мы правильно решили, что тебе лучше побыть здесь до предварительных выборов. Вся эта суета будет для тебя слишком тяжелой.

– Возможно. – Она ответила сдержанно. Когда Зи сообщила ей, что это решение было принято без ее участия, она почувствовала себя такой одинокой, словно с ней обошлись как с неудачным ребенком, которого приходится стыдиться и прятать от чужих глаз. – Я очень хочу домой, Тейт.

Их головы были сейчас совсем близко. Она видела свое отражение в его зрачках. Она ощущала его дыхание. Ей хотелось, чтобы он ее обнял. И она сама хотела его обнять.

«Прикоснись ко мне, Тейт. Обними меня. Поцелуй меня», – неслось у нее в голове, но она молчала. Ей показалось, что он подумал о том же. Потом он отстранился.

– Я пошел, – сказал он решительно. – Отдыхай.

Она взяла его руку и изо всех сил сжала.

– Спасибо тебе.

– За что?

– За... за цветы... за то, что довел меня до постели.

– Не стоит, – ответил он небрежно, высвобождая руку.

Она застонала:

– Почему ты не принимаешь моей благодарности?

– Не прикидывайся дурочкой, Кэрл, – раздраженно зашептал он. – Твоя благодарность для меня ничто, и ты знаешь почему. – Он вежливо попрощался и ушел.

Эйвери чувствовала себя уничтоженной. Она столько ждала от их новой встречи. Ее мечты, однако, не имели ничего общего с грубой действительностью. Но чего еще ожидать от мужа, который явно не испытывает к своей жене никаких теплых чувств?

Что ж, по крайней мере, он не изблещил ее во лжи. Если говорить о профессиональной стороне дела, ее положение было по-прежнему прочным.

Вернувшись в кресло, она подняла с пола конверт, вскрыла его и высыпала содержимое на колени. Часы уже не шли – кварцевый кристалл был поврежден. Одна золотая сережка отсутствовала, но горевать об этом не стоило. Самой главной вещи на месте не было. Где медальон?

И тут она вспомнила. Когда произошла катастрофа, медальон был не у нее. Она дала его посмотреть Кэрл Ратледж.

Эйвери откинулась на спинку кресла, мысленно оплакивая потерю драгоценной памятной вещицы, но тут же выпрямилась опять. Поплачет потом. Сейчас надо действовать.

Спустя несколько минут она стояла перед дежурной сестрой, сидевшей за пультом компьютера.

– Добрый вечер, миссис Ратледж. Как прошло свидание с супругом?

– Все отлично, благодарю вас. – Она протянула сестре конверт. – Я хочу попросить вас об одном одолжении. Не могли бы вы завтра же отправить вот это? (Сестра прочла написанный печатными буквами адрес.) Пожалуйста, – настойчиво повторила Эйвери.

– Охотно для вас это сделаю, – ответила сестра, хотя было видно, что она удивлена. – Отправлю с утренней почтой.

– И я бы просила вас никому об этом не говорить. Мой муж и без того считает, что я стала чересчур сентиментальна.

– Хорошо.

Эйвери вынула несколько купюр, отложенных из денег, которые Тейт оставил ей перед отъездом.

– Думаю, этого хватит. Спасибо.

Еще один мост был сожжен. Она вернулась в комнату, выделенную миссис Кэрл Ратледж.

12

В одних носках Айриш Маккейб прошлепал на кухню за очередной банкой пива. Открыв ее и отхлебнув хмельной пены, он стал изучать содержимое холодильника. Однако, не обнаружив ничего существенного, решил ограничиться на ужин пивом.

Возвращаясь в гостиную, он взял со стола почту, которую бросил туда, когда вернулся с работы. Одним глазом наблюдая за телевизионным шоу, он принялся разбирать корреспонденцию, не глядя выбрасывая рекламные проспекты и откладывая в сторону счета.

– Гмм. – Он нахмурил брови. На плотном конверте не было обратного адреса, но марка была местная. Он вскрыл его и высыпал содержимое на колени.

У него перехватило дыхание, и он отпрянул, как будто на него свалилась какая-то пакость. Он уставился на покореженные украшения, хватая ртом воздух. Сердце бешено колотилось.

Прошло несколько минут, прежде чем он успокоился и протянул руку к разбитым часикам. Он сразу узнал часы Эйвери. Осторожно взяв их в руку, он стал осматривать сережку, которая была на Эйвери, когда они виделись в последний раз.

Он стремительно поднялся и бросился в другой конец комнаты к письменному столу, которым редко пользовался по назначению, но зато складывал туда всякую всячину. Выдвинув средний ящик, он достал конверт, который ему вручили в морге в тот день, когда он ходил на опознание. «Здесь ее вещи», – сказал ему сочувственно судмедэксперт.

Он вспомнил, что тогда сунул в конверт медальон, даже не заглянув внутрь. До сих пор он не нашел в себе сил открыть этот сверток и прикоснуться к ее вещам. Он был довольно суеверен. Для него трогать руками то, к чему прикасалась Эйвери перед самой смертью, было все равно что копать в ее могиле.

Ему пришлось все вывезти из ее квартиры, потому что на этом настаивала хозяйка. Он не оставил себе ничего, за исключением нескольких фотографий. Всю одежду и другое имущество он раздал на благотворительные цели.

Единственное, что он считал необходимым хранить, был ее медальон, по которому она и была опознана. Она получила его в подарок от отца, еще когда была ребенком, и с тех пор никогда не снимала.

Он открыл конверт, который столько времени пролежал в столе, и высыпал то, что в нем было, на стол. Помимо медальона, там лежали бриллиантовые серьги, часы с золотым браслетом, два узких браслета изящной работы и три кольца, причем два были стандартным свадебным комплектом. Третье кольцо было с бриллиантами и сапфирами. Цена этих вещей во много раз превышала цены всех драгоценностей Эйвери, но для Айриша Маккейба они не стоили ровным счетом ничего.

Было ясно, что эти вещи принадлежали другой женщине, погибшей в катастрофе, а может быть, и оставшейся в живых. Может, кто-то оплакивает их пропажу?

Ему надо будет навести справки и переслать украшения законной владелице. Сейчас же он думал только о вещах Эйвери – часиках и сережке, которые получил сегодня по почте. Кто их послал? Почему именно сейчас? И где они пролежали столько времени?

Он внимательно рассмотрел конверт, надеясь обнаружить хоть какой-то намек на отправителя. Ничего. Не похоже, чтобы его прислали из какой-нибудь конторы. Печатные буквы на конверте написаны неумелой, почти детской рукой.

– Что за черт? – спросил он вслух.

Казалось, к этому моменту боль утраты должна была уже понемногу утихнуть, но он этого не чувствовал. Он грузно опустился в кресло и затуманенным взором стал смотреть на

медальон. Он потер его между указательным и большим пальцем, словно это был талисман, который мог чудесным образом ее воскресить.

Потом, попозже, он попытается разобраться, как получилось, что вещи Эйвери оказались перепутаны с вещами другой женщины. А пока он только хочет погрузиться в трясины своего горя и забыться.

– Не понимаю, почему нет.

– Я уже говорил тебе почему.

– Что такого, если я поеду с тобой в Корпус-Кристи?

– Это деловая поездка. Я буду все время занят. Надо организовать для Тейта массу мероприятий.

Фэнси надула губы:

– Если бы ты действительно хотел, ты взял бы меня с собой.

Эдди Пэскел искоса бросил на нее взгляд:

– Вот видишь, ты сама себе и ответила.

Он погасил свет в штабе компании. Штаб располагался в торговом центре на месте бывшего зоомагазина. Арендная плата была совсем небольшой, и помещение находилось в центре города, куда можно было легко добраться из любого района. Пожалуй, единственным существенным недостатком был неистребимый запах животных, содержащихся в клетках.

– Почему ты так со мной обращаешься, Эдди? – заныла Фэнси, наблюдая, как он запирает дверь на засов.

– А почему ты мне надоедаешь?

Они прошли к его автомобилю, припаркованному на стоянке. Это был надежный в эксплуатации «Форд»-седан, который она втайне ненавидела. Эдди отпер правую дверцу и помог ей сесть. Пролезая в машину, она нарочно прижалась к нему телом.

Он обогнул капот, и Фэнси заметила, что у него новая стрижка. Сзади волосы были сняты чересчур коротко. В списке того, что ей надлежало исправить в Эдди, первую строчку занимал его автомобиль. На второе место следует поставить его парикмахера.

Он включил зажигание. Автоматически заработал кондиционер, нагнетая в салон теплый и влажный воздух. Эдди наконец позволил себе изменить своей безукоризненной опрятности, ослабил галстук и расстегнул ворот рубашки.

В представлении Фэнси, чтобы чувствовать себя удобно, этого было явно недостаточно. Свою блузку она расстегнула сверху донизу, после чего распахнула и вновь запахнула ее так, чтобы Эдди имел возможность увидеть ее грудь, если бы захотел. Пока, увы, этого за ним не наблюдалось. Он сосредоточенно проехал перекресток и направил машину к выезду на шоссе.

– Ты что, «голубой» или что? – спросила она грубо.

Он рассмеялся:

– Почему ты спрашиваешь?

– Потому что, если бы я позволяла другим парням хотя бы половину того, что позволяю тебе, я бы всю свою жизнь провела на спине.

– Если тебя послушать, ты все равно именно так ее и проводишь. – Он посмотрел на нее. – Или это треп?

Глаза Фэнси вспыхнули гневом, но она взяла себя в руки. Мягкими кошачьими движениями она свернулась на сиденье и коварно спросила:

– Почему бы вам не проверить это на собственном опыте, мистер Пэскел?

Он покачал головой:

– Фэнси, ты несправима, ты знаешь об этом?

– Конечно, – сказала она беспечно, запуская пальцы в густые белокурые локоны. – Мне все это говорят. – Она нагнулась к отдушине кондиционера, откуда теперь шел прохладный воздух. Подняв волосы с шеи, она подставила ее под струю. – Ну, так что ты?

- Что – я?
- «Голубой»?
- Нет.

Она выпрямилась и придвинулась к нему. Руки она по-прежнему держала на шее, отчего груди сильнее выдавались вперед. От холодного воздуха соски затвердели и уперлись в ткань рубашки.

- Тогда как тебе удастся устоять передо мной?

Они миновали оживленный участок шоссе и теперь ехали свободно, направляясь в сторону ранчо. Эдди медленно обвел ее взглядом, не упустив ни одной соблазнительной детали. Она с удовлетворением смотрела, как ходит вверх-вниз его кадык.

– Ты красивая девочка, Фэнси. – Его глаза ненадолго задержались на ее груди, особенно на темных пятнах сосков, просвечивающих сквозь блузку. – Красивая женщина.

Она медленно опустила руки, и волосы рассыпались по плечам.

- Ну, и что дальше?

– А дальше то, что ты племянница моего лучшего друга.

- И что?

– Следовательно, ты неприкосновенна.

– Ах-ах, какая чистота! Какая порядочность! – воскликнула она. – Я знаю, кто ты, Эдди, ты – викторианец. Это атавизм. Ханжество. Просто смешно.

– Боюсь, что твоему дяде Тейту было бы не до смеха. Не говоря уже о дедушке и отце. Стоит мне тронуть тебя пальцем, как кто-нибудь из них, а скорее – все трое явятся по мою душу с охотничьим ружьем.

Перегнувшись, она провела пальцем по его бедру и прошептала:

- А ты не думаешь, что это было бы интересно?

Он убрал ее руку.

- Когда мишенью служишь ты, это уже не так занятно.

Она откинулась на спинку сиденья в явном раздражении и стала смотреть в окно. Сегодня утром она намеренно оставила машину дома и поехала в Сан-Антонио с отцом, чтобы вечером возвращаться вместе с Эдди. Она уже несколько месяцев делала ему прозрачные намеки, но все впустую. А поскольку она никогда не отличалась долготерпением, то решила утратить натиск.

Бак, коридорный в мотеле, продержался не больше месяца. Он быстро начал проявлять собственнические замашки и ревновать. Тогда в ее постели оказался парень, приходивший опрыскивать дом от тараканов. Роман продолжался до тех пор, пока она не узнала, что он женат. Ее не так волновало его семейное положение, как неистребимое самобичевание, которому он предавался после близости. Его раскаяние все портило. Она перестала получать удовольствие от секса.

После дезинсектора у нее сменилось несколько партнеров, но таким образом она только занимала время, дожидаясь, пока Эдди сдастся. Теперь она чувствовала, что ожидание начинает ее утомлять.

На самом деле ей все надоело. За последние три месяца она стала раздражительной и сварливой. Временами она даже завидовала тете Кэрол, которой уделялось сейчас столько внимания.

В самом деле: пока она просиживает бесконечные часы в шуме и вонии в штабе кампании, начиня конверты разными бумажками и отвечая на бесчисленные телефонные звонки, вынужденная изо дня в день общаться с людьми, которые готовы работать за десять долларов в неделю, перед Кэрол стелется персонал целой шикарной частной клиники.

Еще один источник раздражения крылся в Мэнди. И без того избалованная донельзя девочка теперь стала просто невыносима. Не далее как на прошлой неделе Фэнси крепко доста-

лось от бабушки за то, что она позволила себе отчитать девчонку, съевшую все шоколадное печенье.

С точки зрения Фэнси, девчонка была не в себе. Глаза у нее стали пустые и безжизненные, как у привидения. Она превратилась в лунатика, а все только и делают, что облизывают ее со всех сторон.

В последний раз, когда Фэнси оштрафовали за превышение скорости, отец пришел в такую ярость, что пригрозил отобрать у нее машину. И еще предупредил, что штраф ей придется заплатить самой – из тех денег, что она зарабатывает. Конечно, это все пустые угрозы, но его вопли действуют на нервы.

Больше всего ее удивляла вся эта шумиха вокруг предварительных выборов. Можно подумать, что дядя Тейт собирается баллотироваться в президенты, так все кудахчут. На предварительных выборах он победил с большим отрывом, что ее совершенно не удивило. Она не понимала, зачем надо было платить такие деньги какому-то политологу за прогноз, тогда как она давно могла сказать ему то же самое, и притом бесплатно. Улыбка ее дядюшки сводит женщин с ума. И неважно, о чем он говорит в публичных выступлениях; женщины пойдут голосовать за него только за его внешность. Но кого интересует ее мнение? Никого. Никого и никогда.

Ну, ничего, сейчас, кажется, дело пойдет. Теперь, когда первый этап голосования позади, Эдди будет не так занят. У него будет время подумать и о ней. Когда она замыслила его охмурить, то рассчитывала на быстрое оболыщение. Теперь у нее появились сомнения. Уж больно тонко он увиливал от всех посягательств. Насколько она могла судить, он пока вовсе и не думал сдаваться.

Она повернулась к нему. Внешне, по крайней мере, он спокоен как слон. Она для него представляет не больше интереса, чем какая-нибудь дурнушка. Может быть, пора забыть осторожность и перестать ходить вокруг да около?

– Как насчет потрахаться?

Нарочито небрежным движением Эдди положил руку на спинку сиденья.

– Ну, если хорошенько подумать, то сейчас самое время.

Ее обдало жаром, и она стиснула зубы.

– Не смей со мной разговаривать таким тоном, сукин ты сын.

– А ты перестань кидаться на меня, как уличная девка. Твои похабные выражения на меня не действуют, как и вид твоей голой груди. Мне это неинтересно, Фэнси, и твои детские штучки начинают мне надоедать.

– Все-таки ты гомик!

Он фыркнул:

– Можешь думать что угодно, если тебе от этого легче.

– Тогда, значит, у тебя кто-то есть, потому что мужчина без этого не может. – Она придвинулась к нему и вцепилась в рукав. – С кем ты спишь, Эдди, с кем-нибудь из штаба?

– Фэнси...

– С этой рыжей с тощим задом? Бьюсь об заклад! Я слышала, она разведена и, наверное, всегда готова. – Она крепче схватила его за рукав. – Зачем тебе трахаться с какой-то старухой, когда ты можешь это делать со мной?

Он остановил машину перед домом. Взяв за плечи, он как следует ее встряхнул.

– Затем, что я не сплю с малолетками, в особенности с такими, кто раздвигает ножки при виде каждого твердого члена.

Его гнев только усугубил ее желание. Ее возбуждала страсть в любом проявлении. С горящими глазами она опустила руку и нащупала то, что хотела. Губы растянулись в самодовольной улыбке.

– Эдди, дорогой! – прошептала она похотливо. – С твоим все в порядке.

Выругавшись, он оттолкнул ее и вылез из машины:

– Тебя это не касается, так и запомни.

Фэнси немного задержалась, дабы застегнуть блузку и привести себя в порядок, а потом проследовала за ним в дом. Пока что ничья. В постель она его, правда, не затащила, но ему этого явно хотелось. На какое-то время она может удовольствоваться и этим. Только не навсегда.

Когда она подошла к двери, ведущей в их крыло дома, показалась мать. Дороти-Рей шла прямо, но ее выдавали глаза. Она уже заглотнула несколько коктейлей.

– Привет, Фэнси.

– На несколько дней уезжаю в Корпус-Кристи, – объявила дочь. Если Эдди откажется ее взять, она поедет сама. Пусть это будет для него сюрприз. – Завтра утром. Дай мне немного денег.

– Ты не можешь сейчас уехать.

Фэнси подбоченилась и сузила глаза. Это означало, что подчиняться она не намерена:

– Это еще почему?

– Нельсон велел всем быть здесь, – объяснила мать. – Завтра выписывают Кэрл.

– О черт! – ругнулась Фэнси. – Только этого мне не хватало.

13

Она увидела его отражение в зеркале.

Эйвери сидела за туалетным столиком в своей комнате в клинике и, когда Тейт вошел, сначала заметила его в зеркало. Он тоже смотрел на нее. Так они продолжали смотреть друг на друга, пока она медленно не опустила пуховку на зеркальную поверхность стола, после чего повернулась на табурете и посмотрела ему в лицо.

Не сводя с нее глаз, он бросил на постель пальто и свертки с покупками. Эйвери сцепила руки и нервно засмеялась:

– Умираю от нетерпения.

– Ты сегодня очень красивая.

Она облизнула губы, уже подведенные помадой.

– Сегодня приходил местный косметолог и дал мне урок макияжа. Я, правда, не новичок в этом деле, но я подумала, что что-то новенькое мне не повредит. К тому же консультация бесплатная. – Она опять неловко улыбнулась. На самом деле ей нужен был предлог, чтобы изменить манеру Кэрол краситься. С точки зрения Эйвери, она слишком увлекалась косметикой. – Я подкрасилась по-новому. Тебе нравится?

Она подняла лицо, давая ему возможность как следует его разглядеть. Хотя ему не хотелось подходить ближе, он не удержался. Слегка нагнувшись, он внимательно изучил ее поднятое лицо.

– Шрамов совсем не видно. Ни одного. Фантастика.

– Спасибо. – Она улыбнулась ему, как жена улыбается любящему мужу. С той только разницей, что Тейт не был ей мужем, тем более любящим.

Он выпрямился и отвернулся. Эйвери закрыла глаза, пытаясь скрыть досаду. Он не забывает старых обид, это она уже поняла. Кэрол сумела навсегда подорвать его доверие. Завоевать его снова будет непростой задачей.

– Ты уже привык к моему новому облику?

– Постепенно привыкаю.

– Ведь есть кое-какие перемены, – заметила она неуверенным тоном.

– Да, ты выглядишь моложе. – Он бросил на нее взгляд через плечо и тихо добавил: – И красивее.

Встав из-за туалета, Эйвери подошла к нему. Она взяла его за руку и развернула лицом к себе.

– Правда? Красивее?

– Да.

– В каком смысле красивее? В чем именно?

Она не только усвоила, что он не умеет прощать, она хорошо знала, что он, как никто, умеет владеть собой. Она решила его раздражить. В его глазах сверкнули молнии, но она не отступила. Ей надо было знать, какие он заметил различия между нынешней Кэрол Ратледж и той, которая была его женой на протяжении четырех лет. «Что ж, проведи исследование», – мысленно сказала она.

Он раздраженно что-то пробурчал и взъерошил волосы.

– Не знаю. Просто ты стала другая. Может быть, дело в макияже... Или в волосах – не могу понять. Ты отлично выглядишь, этого тебе довольно? Давай кончим на этом. Ты выглядишь... – Он пристально смотрел на нее. Его глаза скользнули вниз, охватили все ее тело, после чего вернулись наверх и ушли в сторону. – Ты выглядишь прекрасно. – Порывшись в кармане рубашки, он извлек исписанный от руки листок. – Мы с мамой купили все, что ты

просила. – Кивнув в сторону пакетов с покупками, он стал зачитывать список: – «Духи «Исатис» в аэрозоле».

– Ага.

– «Колготки». Ты этот цвет имела в виду? Ты сказала – «светло-бежевый».

– Отлично. – Он читал, а она по очереди извлекала вещи из пакетов. Достав флакончик с духами, она брызнула себе на запястье. – Понюхай.

Она поднесла руку к его щеке так, что ему, чтобы понюхать, пришлось повернуть голову и коснуться губами ее запястья. На мгновение их глаза встретились.

– Приятные, – сказал он и тут же отвернулся. Эйвери даже не успела опустить руку. – Идем дальше. «Ночная рубашка с длинным рукавом». – Он опять удивленно посмотрел на нее. – С каких это пор ты стала спать в рубашке, тем более с длинными рукавами?

Эйвери, устав от необходимости постоянно держать оборону, выпалила:

– С тех самых пор, как я попала в авиакатастрофу и получила ожоги второй степени.

Еще секунду назад готовый к ответной реплике, он прикусил язык. Возвращаясь к списку, он прочитал последнюю строчку:

– «Бюстгальтер, размер 34-В».

– Не сердись. – Она достала лифчик из пакета, развернула его, оторвала этикетку и снова сложила. Бюстгальтеры Кэрол, которые ей принесли раньше, все оказались велики.

– Не понял.

– Не сердись, что я похудела на целый размер.

– Какое это имеет ко мне отношение?

Его нескрываемое пренебрежение заставило ее отвести глаза.

– По-видимому, никакого.

Разгрузив сумки, она положила покупки рядом с одеждой, в которой собиралась на следующий день ехать домой. Все, что ей привезли Зи и Тейт из гардероба Кэрол, ей подошло. Одежда была великовата, но самую малость. У Кэрол, судя по всему, была более полная грудь и крутые бедра, но Эйвери придумала для себя оправдание – жидкая диета. Ей повезло, что туфли Кэрол оказались впору.

Когда было возможно, она прикрывала руки и ноги, предпочитая юбкам брюки. Она боялась, что ее могут выдать лодыжки и икры. Пока что никто не заметил разницы. Для Ратледжей она оставалась их невесткой. Они ни в чем не сомневались.

Или сомневались?

Почему тот, кто планировал покушение вместе с Кэрол, больше не появлялся?

Этот вопрос беспокоил Эйвери с назойливостью постоянно жужжащего где-то у нее в мозгу комара. Вспоминая об этом, она холодела от страха, поэтому решила пока сосредоточиться на личности Кэрол и постараться не делать ошибок, которые могли бы ее выдать.

До сих пор ей везло. Она сумела избежать серьезных промахов.

Теперь, когда возвращение домой стало реальностью, она начала волноваться с новой силой. Жизнь под одной крышей с Ратледжами, особенно с Тейтом, увеличит риск разоблачения.

Вдобавок ей предстоит играть роль жены кандидата в Сенат, что опять-таки сопряжено с массой проблем.

– Что завтра утром, Тейт?

– Эдди велел мне тебя подготовить. Сядь.

– Звучит-то как серьезно, – поддразнила она, усаживаясь напротив.

– Это действительно серьезно.

– Ты боишься, что я оплошаю перед прессой?

– Нет, – ответил он, – но я уверен, что они пустят в ход запрещенные приемчики.

От выпада против ее собратьев-журналистов она почувствовала себя оскорбленной.

– Что ты имеешь в виду?

– Начнут задавать личные вопросы. Станут пялиться на твое лицо, выискивая шрамы, и всякое такое. Наверное, завтра тебя столько раз сфотографируют, сколько за всю последующую кампанию не снимут.

– Я не боюсь камеры.

Он сухо рассмеялся:

– Это я знаю. Но завтра, стоит тебе отсюда выйти, и ты окажешься в толпе журналистов. Эдди намерен приложить все усилия, чтобы как-то упорядочить этот процесс, но ты ведь знаешь, что многие вещи часто происходят спонтанно. – Он снова полез в нагрудный карман и, достав какой-то листок, протянул ей: – Вот, ознакомься. Эдди сочинил тут для тебя короткое заявление. Будет установлен микрофон... В чем дело?

– Это? – сказала она, потрясая бумагой перед его носом. – Если я это зачитаю, все примут меня за идиотку.

Вздохнув, он потер виски.

– Эдди этого и боялся.

– Если я выступлю с таким заявлением, да еще по бумажке, все решат, что в катастрофе пострадало не мое лицо, а мозги. И будут думать, что вы нарочно упрятали меня в эту частную клинику, чтобы я немного очухалась, – как в «Джейн Эйр». Держать помешанную жену подальше от людских глаз...

– «Джейн Эйр»? Ты, кажется, книжек начиталась?

На мгновение она опешила, но быстро справилась с собой:

– Я смотрела фильм. Как бы то ни было, я не хочу, чтобы меня считали слабоумной настолько, что я не могу связать двух слов без шпаргалки.

– Только, пожалуйста, следи за своей речью, не слишком увлекайся, хорошо?

– Я умею изъясняться по-английски, Тейт, – отрезала она. – Я в состоянии связать несколько слов и умею себя вести на людях. – Она разорвала текст пополам и швырнула на пол.

– Ты, видимо, забыла, что было в Остине. Такого нам больше не нужно, Кэрол.

Поскольку она не знала, какую ошибку допустила Кэрол в Остине, она ничего не могла сказать в порядке оправдания или защиты. Одно ей, впрочем, следовало помнить: Эйвери Дэниелз имела опыт выступления перед камерой, она была искушенной в плане общения с прессой, чего явно нельзя сказать о Кэрол Ратледж.

Она ответила спокойным голосом:

– Я знаю, что каждое мое появление на публике вплоть до ноября очень для тебя важно. Я постараюсь следить за тем, что я говорю, и вести себя соответственно. – Она горько улыбнулась и, нагнувшись, подняла бумаги с пола. – Я даже готова заучить наизусть этот пошлый маленький спич. Я для тебя на все готова.

– Только не переусердствуй в своем желании мне угодить. Если бы это зависело от меня, ты бы вообще не делала никакого заявления. Но Эдди считает, что это надо сделать, чтобы удовлетворить всеобщее любопытство. Джек и папа с ним тоже согласны. Так что угодить ты должна им, а не мне.

Он поднялся уходить. Эйвери быстро встала.

– Как дела у Мэнди?

– Так же.

– Ты сказал ей, что завтра я выписываюсь?

– Да, она это знает, но по ее лицу не поймешь, что она думает.

Эйвери огорчилась, что в состоянии девочки не происходит перемен к лучшему, и, подняв руку, беспечно потеряла подбородок.

Тейт тронул ее за руку.

– Ты мне напомнила. – Он взял с кровати куртку и достал что-то из кармана. – Поскольку в госпитале умудрились-таки перепутать и растерять твои кольца, Эдди посоветовал купить тебе новое обручальное кольцо. Он считает, что для избирателей это имеет значение.

Она не солгала ему насчет драгоценностей. Когда он поинтересовался, она сказала, что в конверте оказались чужие вещи.

– Я передала их медсестре, чтобы там разобрались.

– Где же тогда твои?

– Бог его знает. Иногда случаются такие необъяснимые недоразумения. Пусть разбирается страховая компания.

Сейчас Тейт достал из серой бархатной коробочки простое обручальное кольцо.

– Оно не такое изысканное, как то, но, я думаю, сойдет.

– Мне оно нравится, – сказала она, надевая кольцо.

Когда он попытался убрать руку, она заметила у него на пальце парное кольцо. Схватив его руку, она поднесла ее к губам и, прошептав его имя, поцеловала его в сжатые пальцы.

– Кэрол, – сказал он, отнимая руку. – Не надо.

– Ну, пожалуйста, Тейт. Я хочу поблагодарить тебя за все, что ты для меня сделал. Позволь мне. – Она умоляла его принять ее благодарность. – Мне столько раз хотелось умереть. И если бы ты меня все время не поддерживал, так бы, наверное, и случилось. Ты все время был такой... – У нее перехватило горло, она больше не скрывала слез. – Ты давал мне силы жить. С самого начала. Спасибо тебе.

Она говорила от чистого сердца. Каждое слово было правдой. Поддавшись охватившему ее чувству, она приподнялась на цыпочки и поцеловала его.

Он дернул головой. До нее донесся удивленный резкий вдох. В его глазах она прочла сомнение. Потом он нагнул голову и легко поцеловал ее в губы.

Она теснее прижалась к нему, потянулась к нему губами и прошептала:

– Поцелуй меня, Тейт, пожалуйста.

С легким стоном он прижался к ней губами. Обхватив рукой за талию, он привлек ее к себе. Другую руку поднес к ее затылку и стал нежно гладить шею. Тем временем язык его, раздвинув губы, проник во влажную глубину ее рта. Поцелуй был долгий и страстный.

Вдруг он резко оторвался от нее и поднял голову.

– Какого черта...

Грудь, к которой она все еще была прижата, вздымалась. Помимо его воли глаза опять отыскали ее рот. Он зажмурился и отрицательно помотал головой, как бы стряхивая с себя наваждение, но потом опять впился в нее губами.

Эйвери ответила на поцелуй, вложив в него все, что в ней накопилось за эти месяцы. Их губы сплелись в жарком, голодном порыве. Чем больше он получал, тем больше ему хотелось – и тем больше она хотела ему дать.

Положив руку на бедро, он привлек ее к себе. Она с силой прикинула к нему, ощущая его мгновенное напряжение, и, подняв руку, притянула его голову вниз, с наслаждением пробегая пальцами по волосам, рубашке, по его коже.

Внезапно все кончилось.

Он оттолкнул ее и сам отступил на несколько шагов. Она с болью увидела, как он провел по губам кулаком, стирая ее поцелуй. Она издала тихий страдальческий стон.

– Не получится, Кэрол, – сказал он резко. – Я еще не понимаю, что за игру ты затеяла, и, пока не знаю правил, отказываюсь в ней участвовать. Мне очень жаль, что с тобой такое случилось. И поскольку ты пока моя законная жена, я исполнял свой долг. Но это ничего не меняет в наших отношениях. Ничто не изменилось. Слышишь? Все остается по-прежнему.

Он накинул на плечи куртку и, не оборачиваясь, покинул комнату.

Эдди вышел в сад. Под майским солнцем цветы в саду уже распустились. В глиняных вазонах, украшающих бортик бассейна, цвели олеандры. Клумбы пестрели ампельными розами.

Но сейчас было уже темно, и цветки закрылись на ночь. Сад освещался расставленными среди растений фонарями. Они бросали длинные тени на белые оштукатуренные стены дома.

– Ты что здесь делаешь? – спросил Эдди.

От шезлонга раздался вежливый голос:

– Думаю.

Думал он о Кэрол – о том, как он вошел и увидел в зеркале ее отражение. Она сияла. Темные глаза светились такой радостью, как будто его появление было для нее событием особенным. Несомненно, это была игра, но какая талантливая! Он даже потерял голову и едва не клюнул на эту удочку. Вот идиот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.